смена

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

МУДРЫЙ, ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ

Долг каждого из нас — рассказать о Горьком все, что он знает. Я имел счастье наблюдать, как рождался один из многочисленных замыслов Горького, как облекался он плотью. Речь пойдет о сборнике, посвященном Болшевской коммуне.

Еще в 1929 году, вскоре после приезда из Италии, Алексей Максимович не раз говорил об этом удивительном коллективе. Заинтересовавшись коммуной, он часто бывал в ней, близко вошел в ее жизнь. С увлечением рассказывал он о взломщике несгораемых шкафов, ставшем недюжинным организатором; о бандитке, которая некогда подвешивала в тайге своя жертвы к деревьям и поджаривала им пятки, а теперь стала дисциплинированным разумным членом трудового содружества коммунаров.

— С давних пор думаю об этом, — говорил Алексей Максимович. — Никогда не верил Ламброзо и другим авторам теории о врожденной преступности. Труд — лучшее средство для перевоспитания человека. И вот убедительнейшее доказательство этого происходит у нас на глазах. Об этом надо писать, вы займитесь.

Но тема была так ответственна, что я, случайный его собеседник, не решался и думать о ней. Только после того как родились коллективные методы работы над книгой, инициатором которых был также Алексей Максимович, только после выхода в свет сборника «Беломорско-Балтийский канал» пришла мысль, что за этот материал следует браться целой писательской группой.

Алексей Максимович горячо соглашался:

— Это будет хорошей школой для писателей и огромной помощью для перевоспитуемых. Хорошо, если бы наряду с писателями опытными работали и молодые, пожалуй, даже преимущественно молодые...

Тут же еще раз изложил он свои взгляды на коллективную работу.

— Я не считаю коллективный метод единственным, но он один из важнейших, и едва ли не самый важный, как средство воспитания писателей. Молодым он поможет изучить материал, а знание материала — основное. Конечно, благородно и ко многому обязывает изучение жизни путем автодидактики, но проще заниматься в университете. В коллективе, под руководством опытных товарищей, молодой писатель успеет больше и скорее.

Весной 1934 года несколько молодых литераторов, группировавшихся вокруг издательства «Советский писатель», приступили к работе. Для того чтобы познакомить Алексея Максимовича с участниками группы, мы дали ему по одной вещи каждого, частью в не опубликованных еще рукописях. Когда рукописи были возвращены, мы поразились, какое огромное количество труда уделил Алексей Максимович каждому из нас. Рукописи были буквально испещрены заметками — свободных мест на полях не оставалось. На состоявшейся затем встрече Алексей Максимович исчерпывающе охарактеризовал работу каждого из нас.

Встреча закончилась дружеской беседой.

— Многие из вас пишут о стариках, о лишних, исковерканных жизнью людях, — сказал Алексей Максимович. — Это тоже нужно. Но раньше всего нужно писать о молодежи, о насущнейших явлениях нашей жизни. Кстати, почему никто из вас не интересуется международной тематикой?

Никогда не забыть, с какой горячностью говорил он о фашизме и угрозе войны. Юношеский пыл, ненависть борца были в его словах. И, говоря о нашей будущей книге, указывая на важность темы, он также подчеркивал ее международное значение.

Мы спросили, как он считает: справимся мы?

— Надо захотеть, надо верить в себя, — ответил Алексей Максимович. — Не путайте благородную неуверенность, стремление к совершенству с верием в свои силы.

Используя подробнейшие указания Алексея Максимовича, мы приступили к работе и через год примерно представили первую часть книги. Она содержала что-то около двадцати сечатных листов, и мы считали ее законченной, вполне готовой к печати рукописью. Каково же нам было получить письмо Алексея Максимовича с подробнейшим разбором нашей рукописи, разбором, который камня на камне не оставлял от возведенной нами постройки.

И, главное, с первых же строк было ясно, что Алексей Максимович решительно во всем прав.

Особенно подчеркивал он, что живой показ жизни подменили мы абстрактными рассуждениями. Действительно, пытаясь осмыслить материал, мы неумеренно философствовали, излишне увлекались цитатами и т. д. В наибольшей мере сказалось это на характеристике воспитателей-чекистов.

— Героизм должен быть виден из фактов, — указывал Алексей Максимович. — Художники работает своими методами. Поменьше рассуждений, пускай убеждает логика жизни.

Жестоко критикуя нас, Алексей Максимович не уставал повторять:

— Плохие вы будете писатели, если испугаетесь трудностей. Я требую, чтобы вы окончили эту книгу. Верьте в себя!

И вот, после того как нам казалось, что дело уже сделано, мы проработали еще полтора года. Мы работали так долго потому, что и дальше Алексей Максимович непрестанно и внимательно руководил нами. Ибо, начиная любое дело, он всегда доводил его до конца. Когда же, наконец, последний вариант книги был вручен ему и он отметил нам письмом, — как вознаградило нас это письмо за все пережитые трудности![1]

«На мой взгляд книга о Болшевской коммуне очень удачна, — писал Алексей Максимович, — с чем искренно поздравляю Вас и всех, кто работал с Вами. Достоинство книги вижу в той вдумчивости, с которой изображены процессы индивидуальных переражений Гуляева, Малогина и др. Почти всегда удачен, т. е. убеждает своей правдивостью, рассказ о трудной и мудрой работе воспитателей Мелехова, «дяди Сереж», Матвея Погребинского. В освещении этой работы — основной и высоко ценный смысл книги...

.. Группу молодых литераторов я еще раз поздравляю с успешным завершением двухлетней сложной и трудной работы. Уверен, что молодежь, работавшая с этим новым интереснейшим материалом, приобрела немало литературно-технического опыта, который благотворно отзовется на ее дальнейшей работе в области родной литературы. Есть в этой книге недостатки, отлошности, недоговоренности? Конечно, есть, так же как существуют на солнце пятна, а на земле огромное количество всяческих несовершенств. Отметить их — дело товарищеской критики, которая должна понять сложность, трудность и новизну темы, должна понять глубокий социально-революционный смысл пролетарского гуманизма. Мое дело — указать, что написана весьма значительная большевистская книга».

История, в сущности, на этом заканчивается. Книга скоро выйдет. Но вспоминается еще такой факт. Мы жаловались, что многие герои нашей книги с недоотой оглядываются на прошлое.

Алексей Максимович усмехнулся.

— Ничего, это дело исправимое. Вы сумейте только доказать им, что дело вовсе не в том, как плохи они были, но какой великолепный путь прошли!

И как это характерно для его глубочайшего понимания людей! У молодых писателей наших нет недостатка в опекунах. Но кажется, что интерес этих опекунов к молодому писателю кончается с последней страницей рукописи. Совсем иначе подходил Алексей Максимович. Он расспрашивал каждого из нас отнюдь не только о литературных замыслах: он расспрашивал, можно ли дома работать, женат ли, способна ли жена понять работу мужа, какие книги любимейшие, в какие часы лучше всего работается, как здоровье, и т. д.

— Вы поймите, — говорил он строго, — это же важная вещь. Писатель раньше всего должен быть полноценным человеком.

Он расспрашивал не из праздного любопытства, но для того, чтобы помочь, и сколькие из нас помнят его помощь! Он расспрашивал о вещах, глубоко личных, но так тактично и любовно, что ему отвечали как самому близкому другу, и лишь много времени спустя собеседник вспоминал, что говорил с Горьким, величайшим писателем современности...

К. ГОРБУНОВ

1. Выдержки из письма А. М. Горького печатаются впервые.

БЕССМЕРТИЕ

О, эта смерть! Она
Пришла не в свой черед.
С безоблачных небес
Спустилась черной птицей,
Зачем в счастливый год
Опять скорбит народ,
И даже солнца лик
Готов с тоски затмиться?
Не верьте в эту смерть
И в медных труб надрыв.
Ни сердцу, ни тоске
И ничему не верьте!
Певец не умирал,
Он будет вечно жить,
В сердцах народов он
Завоевал бессмертье...

НИКОЛАЙ ЖИГУЛЬСКИЙ

Канал Москва — Волга.

Орган
ЦК и МК ВЛКСМ
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

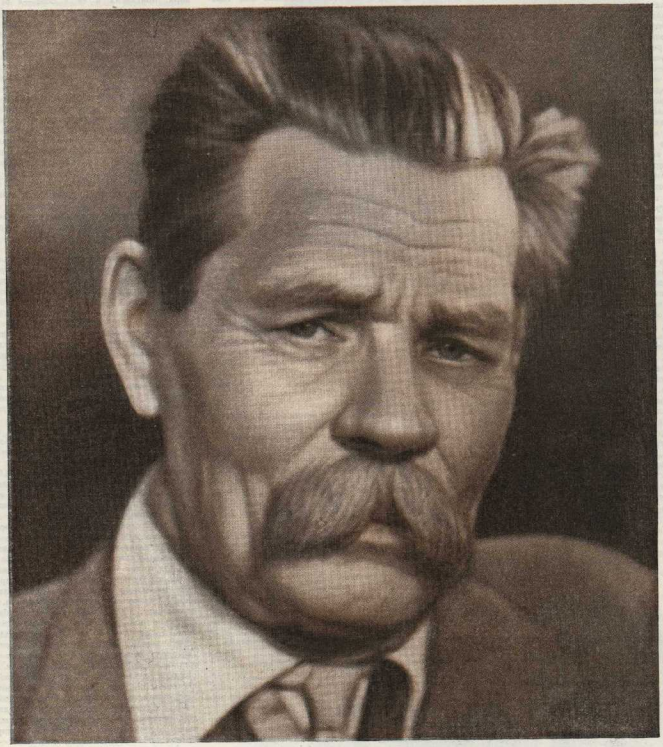
Смена

Москва, улица „Правды", 24. тел. Д 3-34-24

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 7
ИЮЛЬ 1936 г.
Год издания тринадцатый

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ



Алексей Максимович Горький (1868–1936)

Рисунки М. Рабиновича

БАБЫ

Рассказ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Теплым летним вечером мы — я и старый приятель мой — сидели под соснами на песчаном обрыве; под обрывом — небольшой луг, ядовито-зеленый после дождя; на зелень луга брошена и медленно течет рыжая вода маленькой реки, за рекой — темные деревья, с правой стороны от нас, над сугробами облаков, багровое вечернее солнце стелет косые лучи на реку, луг, на золотой песок обрыва.

Собеседник мой закурил, глядя за реку, и начал рассказывать, не торопясь, вдумчиво:

— Было это года два тому назад, в одном из маленьких городов верховья Камы. Я сидел в уездном комитете партии, беседуя «по душам» с предом и секретарем.

Было воскресенье, время — за полдень, на улице жарко, точно в бане, и — тишина. За крышами домов — гора, покрытая шубой леса, оттуда в открытые окна течет запах смолы и горький дымок: должно быть, где-то близко уголь жгут.

Беседуем мы и уж начинаем немножко скучать. Вдруг с улицы, в открытое окно, поднимается от горячей земли большое, распаренное докрасна бабье лицо, на нем нелаковко и насмешливо блестят голубовато-серые, залитые потом глаза, тяжелый, густой голос гудит:

«— Здорово живете! Чай да сахар...»

«— Опять чорт принес», — проворчал пред, почесывая подмышкой, а женщина наполняла комнату гулом упреков:

«— Ну, что, товарищ Семенов, обманул ты меня? Думал: потолкую с ней по-умному, она и будет сыта? А я вот опять шестьдесят верст оттопала, на-ко! Принимай гостью».

Лицо ее исчезло из окна. Я спросил, кто это. Пред махнул рукой, сказав:

«— Так, шалая баба».

А секретарь несколько смущенно объяснил:

«— Числится кандидаткой в партию».

«Шалая баба» протиснулась в дверь с некоторым трудом. Была она, скромно говоря, несколько громоздка для женщины, весом пудов на шесть, если не больше, широковлечка, широкобедра, ростом — вершком десяти сверх двух аршин. Поставив в угол толстую палку, она движением могучего плеча сбросила со спины котомку, бережно положила ее в угол, выпрямилась и, шумно вздохнув, подошла к нам, стирая пот с лица рукавом кофты.

«— Еще здравствуйте! Гражданин али товарищ?» — спросила она меня, сидясь на стул. Стул заскрипел под нею. Узнав, что я — товарищ, спросила еще: «— Не на Москвы ли будешь?» — И когда я ответил утвердительно, она, не обращая больше внимания на свое начальство, вытащила из огромной пазухи кусок кожи солдатского ранца величиной с рукавицу, хлопнула им по столу, однако не выпуская из рук, и, навалившись на меня плечом, деловито, напористо заговорила:

«— Ну-ко, вот разбери дела-то наши! Вот, гляди: копия бумаги из губпарткома — верно? Это — ему приказание, — вязала она головой на пред. — А это вот он писал туда. Значит, есть у меня право говорить?»

Минут десять она непрерывно пользовалась этим правом, рассказывая о кооператорах, которые «нарочно не умеют торговать», о товариществе по совместной обработке земли, которому кулаки мешают реорганизоваться в колхоз, о таинственной и не расследованной поломке сепараторов, о мужьях, которые бьют жен, о противодействии жены предсельсовета и пономарь-учительницы организации яслей, о бегстве селькора-комсомольца, которого хотели убить, о целом ряде маленьких бытовых неурядиц и драм, которые возникают во всех глухих углах нашей страны на почве борьбы за новый быт, новый мир.

Рассказывая, собеседник мой постепенно увлекался и живо дорисовал фигуру бабы, ее жесты; отметил ее бережное отношение к косому платку: она раза два вынимала платок из кармана юбки, чтобы отереть пот с лица, но, спрятав платок, отирала пот рукавом кофты.

— Потом от нее несло, как от лошади, — сказал он. — Секретарь налил ей стакан чаю:

«Пей, Анфиса!»

Но она, жадно хлебнув желтенького кипятку, забыла взять сахару, а взяв кусок, начала стучать им по столу в такт своей возмущенной речи, а затем, сунув сахар в карман, взяла еще кусок и спокрузилась:

«Ой, что я делаю! — Но и другой кусок тоже машинально спрятала в карман, а остывший чай выпила залом, точно квас. — Налей еще, товарищ Яков!»

Собеседник мой, торопливо покуривая, продолжал.

— Она высыпала на голову мне столько этих драм и неурядиц бытовых, что я даже перестал понимать «связь событий» в хаосе этом. Чувствую только, что шестнадцатая Анфиса — существо совершенно необыкновенное, новое для меня, что мне нужно узнать и понять, каким путем она «дошла до жизни такой». Короче говоря, пригласил я ее к себе, — я остановился у агронома, старого приятеля моего. Пригласил я за чаем подробнейше, до позднего вечера, пытал ее расспросами. Передать колорит ее рассказа я, разумеется, не могу, но кое-что в память врезалось мне почти буквально. Отец у нее был портной-одиночка, ходил по деревням, подушубки и тулупы шил. Мать умерла, когда Анфисе исполнилось девять лет. Отец доволоил ей кончить церковно-приходскую школу, потом отдал в «наймы» зажиточному крестьянину, а года через три уже ее в село на Каму, где он женился на вдове с двумя детьми. В этих условиях Анфиса, конечно, снова стала «нянькой» детей мачехи, батрачой ее, а мачеха оказалась «бабочкой пьяной, разгульной», да и отец не отставал от нее — любил и выпить и поразгуляться. Частенько говаривал: «Торопиться некуда, — на всех мужиков тулупы не сошьешь».

Анфисе минуло шестнадцать лет, когда отец помер, заразясь сибирской язвой, и по смерти отца хозяйство мачехи еще тяжелее легло на ее хребет.

«Был у нас шабер, старичок Никола Уланов, оголой промышлял, а раньше штейгером работал. Его породой придавило в шахте, хромал он, и считали его не в полном уме: угрюмый такой, на слова сечы, глядел на людей нелаковко. Жил он бобылем, ну, я ему иной раз постираю, пошью, так он стал со мной помягче.

«Зря, — говорит, — девка, сидя тратишь на пустое место, на пьяный твоих. До чужой сильно людя лакомы, избаловали их богатые. На все худое людям от богатых пример, от них весь мир худому учится».

Очень понравились мне эти его слова-мысли, вижу, что верно сказал: село — богатое, а село — жестокое, жадные и все в склоке живут. Спрашиваю Николу-то:

«— А что мне делать?»

«— Иди, — говорит, — мужа себе. Ты девица здоровая, работница хорошая, тебя в богатый дом возьмут».

Ну, я и в ту пору не совсем дура была, ти жу, старичок сам же туда гонит, откудова взял. А первые-то его слова скрыла в душе все-таки.

Эту часть своей жизни она рассказала не очень охотно, с небрежной усмешкой в глазах и холодновато, точно не о себе говорила, а о старой подруге, неинтересной и даже неприятной ей. А затем как-то вдруг подобралась вся, постучала кулаком по колену, и глаза ее прищурились, как бы глядя глубоко вдаль.

«И вот приехал к матери брат, матрос волжских пароходов, мужик лет сорока — лютый человек! Сестру живо прибрал к рукам, выселил ее с детьми в баню, избу заново перебрал, пристроил к ней лавку и начал торговать. И торгует, и покупает, и деньги в долг дает, трех коров завел, овец, а землю богатому кулаку Антонову в аренду сдал. Я у него и стряпка, и прачка, и коровница — и тки, и пряди, и вовсе стороны глядя. Рвутся мои жилочки, трещат косточки. Ох, трудно мне было! Видите, товарищ, какая кувалда, а до обмороков доходила».

Она засмеялась густым таким, грудным смехом, — странный, не женственный смех. Потом, вытерев лицо и рот платочком, вздохнула глубоко:

«А еще труднее стало, когда он невзначай напал на меня да и обабил. Хоть и подралась я с ним, а не сладила — не здорова была с ту пору, женским недоразвитием. Очень обидно было. Я компанию вела с парнем одним, с Нестеровым, хорошей семьи, небогатые люди, тяглые, также двое братьев, Иван и Егор. Иван не делясь, Егор, дядя парня, — вдовый, он потом партизаном был, и беляки повесили его. Парня-то убили в первый год империалистической войны

Захлестнул за шею вожжами, да и поволок, чуть не удавил...

отца его кулаки разорили, тоже пропал куда-то. Из всей семьи только Анна осталась, теперь она подруга моя, партийной стала четвертый год. Она в 16-м году, умница, в Пермь на завод ушла, хорошо обучилась там. Ну, это уж я далеко вперед заскочила. Ну хотела я, значит, уйти, когда идиот этот изнасилил меня, и собралась, а он говорит:

«Куда пойдешь? Пачпорта у тебя нет. И не дам, на это у меня силы хватит. Жили со мной, дуреха, не обижу. Венчаться не стану, у меня жена в Чистополе, хоть и с другим живет, а все-таки венчаться мне закон не позволяет! Умрет она, обвенчаюсь, вот бог свидетель!»

Противен был он, да пожалела я сдуру хозяйство: уж очень много силы моей забито было в него. У Нестеровых семья вроде как родные были мне. Пожалела, осталась. Нелаской-бы я с ним, отравлен он был, да и недозров, что ли: живем, живем, а детей нету. Бабы посмеиваются надо мной, а над ним еще хуже—дразнят его: он, конечно, сердится и обиды свои на мне вымещает. Бил, бывало, раз залестницу за шею вожжами да и поволок, чуть не удавил. А то поленом по затылку ударил, ладно, что у меня волос много, а все-таки долго без памяти лежала. Сосок на левой груди почти скусил, тиалой чорт, сосок-то и теперь на ниточке болтается. Ну, да что это вспоминать, поди-ка сам знаешь, товарищ, как в крестьянском-то быту говорят: «Не беда, что подохнет жена, была бы лошадь жива». Началась разнесчатная эта война...»

Сказав эти слова, она замолчала, помахивая платком в раскаленное лицо свое, подумала.

«Разнесчастная, это я по привычке говорю, а думается мне, как будто не так: конешно, трудовой народ пострадал, однако и пользы немало от войны! Как угнали мужиков, оголили деревню, вижу я, бабы получше стали жить, дружнее. Сначала-то принулыи, а вскоре привдят—сами себе хозяйки, и общественности стало больше у них, волей-неволей, а надобно друг другу помогать. Богатеи наши лютуют, ой, как лютовали! Было их восьмеро, считая хозяина моего, конешно, попы с ними, у нас две церкви; урядник — зять Антонова, первого в селе по богатству. И чего только они не делали с бабами, солдатками, как только ни выжимали сок из них! На пайках обсчитывают, пленников себе по хозяйствам разобрали. Даже скупно рассказывать все это. Проговала я бабам, которые помоложе, говорила: «Каблуйтесь!» Ну, они мне не верили. Живу я среди горшков да плошек, подойников да корчаг, поглядываю на грабежи, на распутство и все чаще вспоминаю старикоиы слова, Уэлова-то: «Богачи всему злому пример». И такая тоска! Ушла бы куда, да не вижу, куда итти-то. Тут Лизавета Нестерова приехала, ногу ей обожгло, на костыле она. Говорит мне: «Знаешь, что рабочие думают?» Рассказывает. Слушать — интересно, а — не верится. Рабочих я мало видела, а слухи про них нехорошие ходили. Думаю я: что же рабочие? Вот кабы мужики! Много рассказывала мне Лиза — пятый — шестой года, ну, кое-что в разуме, должно быть, осталось. Уехала она, вылечилась. Опять я осталась, как пень в поле, слова не с кем сказать. Бабы меня не любят, бывало, за реснее или у колодца прямо в глаза кричат: «Собака вороза двора», и всякое обидное. Молчу. Что скажешь? Правду кричат! Горестно было. Нет-нет да и спознаешь тихонько где-нибудь в уголку. Стукнул семнадцатый год, сшибли царя, летом позвали мужик с войны, прямо так, как были, идут, с винтовками, со всем снарядом. Пришел Никита Устюгов, сын кузнеца нашего, а с ним еще бойкенький парнеи Игнатий, не помню фамилии, да какой-то вроде цыгана, Петром звали. Они на другой же день сбили сход и об'являют: «Мы — большевики! Долой, — кричат, — всех богатеев!» Выходило это у них не больно серьезно, богачи посмеиваются, а кто победнее — не верят. И моя бабья головушка не верила им. Однако вижу: хозяин мой с приятелями шепчется о чем-то, и все они нервеолем. Собираются в лавке почти каждый вечер и видно — нехорошо им! Ну, значит, кому-то хорошо, а кому — не видно! Вдруг слышу: царя в Тобольск привезли. Спрашиваю хозяина в ласковый час: «Зачем это?» «Спрятали его теперь — в Сибири царствовать будет. В Москве сядет дядя его, тоже Николай». Не верю и ему, а похоже, что правду Анна говорила. А в лавке, слышу, рычат: «Оскалил пси голодные пасти на чужое добро». Как-то вечером пошла незаметно к Никите, спрашиваю, что делается. Он кричит:

«— Я вам, чертям дубовым, почти каждый день об'ясняю, как же вы не понимаете? Ты кто? Батрачка? Вору служишь?»

Мужик он был сухой такой, черный, лохматый, а зубы белые-белые; говорил звонко, криком кричал, как с глухими. Он не то чтобы злой, а эдакий яростный. Вышла я от него и — право слово — себя не узнаю, как будто новое платье надела и узко мне оно, пошевелиться боюсь. В голове — колеса вертятся. Начала я с того дня жить как-то ни в тех, ни в сех, и — будто дымом дышу. А хозяин со мной ласков стал.

«Ты, — говорит, — верь только мне, а больше никому не верь. Я тебя не обижу, потише станет — обвенчаемся, жена померла. Ты, — говорит, — ходи на никитовы сходки, прислушивай-ся, чего он затевает. Узнавай, откуда дезертиры у него, кто такие».

«Ладно, — думаю, — ловок ты, да не больно хитер».

Незаметно в суматоке-то и Октябрь подошел. Организовался совет у нас, предом выбрали старика Антонова, секретарем Дюкова, он до войны сидельщем был в монополье и мало заметный человек. На гитаре играл и пречесывался хорошо, под попа, волосья носил длинные. В совете все — богатеи. Устюгов с Игнатом бунтуют. Устюгов-то сам в совет метил, ну — не поддержали его, мало народа шло за ним, боялись смелости его. Петр этот, приятель его, тоже к богатым переметнулся, за них говорит. Прошло некоторое время — Игната убили, поэтом еще один дезертир пропал. И вот мою пальм я, а дверь в лавку не прикрыта была, и слышу, Антонов говорит: «Два зуба вышибли, теперь третий надо». «Вот как?» — думаю, да ночью к Никите. Он мне говорит:

«Это я без тебя знаю, а если ты изумала с нами итти, так следи за ними, а то мне не бегай. Если что узнаешь, передавай Степанидебобылке. Я на время скроюсь».

И вот, дорогой ты мой товарищ, пошла я в дело. Притворилась, будто ничего не понимаю, стала с хозяином поласковее. Он в ту пору сильно выпивать начал, а ходил гоголем; они все тогда с праздником были. Спрашиваю я моего-то: «Что же это делается?» Он, конечно, об'ясняет просто: грабеж, а грабителей бить надо, как волков. И похвастался:

«— Двоих ухлаДывали и остальным то же будет». Я спрашиваю:

«— Разве Зуева, дезертира, тоже убили?»

«— Может, — говорит, — утопили. — А сам оскалил зубы и грозит: — Вот еще стерву Степаниду дудой конец ждет».

Я — к ней, к Степаке, а она ничего, посмевается:

«— Спасибо, — говорит, — я уж сама знаю, что они меня любить перестали!»

От нее забежала я к Нестеровым, говорю дяде Егору:

«— Вот какие дела!»

Он соостует мне:

«— Да бы в эти дела не совалась!»

А я уж не могу! Была там семья Мокеевых, старик да две дочери от разных жен, старшая — солдатка, а младшая — девица еще; люди бедные, старик богомольный такой, а солдатка — ткачиха знаменитая, в три краски ткала узоры и сама пряжу красила; злая баба, однако меня она меньше других травила. У нее вечеринки бывали, вроде — бабий клуб; раза два она и меня звала. Вот и пошла я к ней от тоски спрятаться. Застала там баб — все бедняцкие жены да вдовы. И прорвало меня:

«Бабы, — говорю, — в ведь большевики-то настоящей правды хотят! Игната за правду и убили, да и дезертира Зуева. Неужто, — говорю, — война-то ничему не научила нас и не видите вы, это от нее богачи становятся?»

И знаешь, товарищ, не хвастаю, не сама за себя говорю, а после от людей слыхала: уда-

Собираются в лавке почти каждый вечер и видно — нехорошо им!

Подбежала, успокоила его по затылку...

лось мне рассказать женщинам всю их жизнь так, что плакали. Это я и теперь всегда умею, потому что насквозь знаю все и говорю практически. А старик Мокеев на печи лежал, слушал да утром же все мои речи Антонову и передал. Вечером хозяин давку запер, позвал меня в горницу, а там и Антонов, и затея его, и еще двое жених, и Мокеев тоже тут. Он меня и уличил во всем; прямо сказал: она, дескать, не только вас, и бога хвалит! Это он врал, я тогда о боге не думала, а как все: и в церковь ходила, и дома молилась. Наврал, старый чорт! Начали они меня судить, стращать, выспрашивать, хозяин мой уговаривает их: «Она — дура, ей что ни скажи, всему верит. Не троньте ее, я сам поучу». Поучил. Пятеро суток на полу валялась, не только встать не могла, а рукой-ногой пошевелить силы не было. Думала, и не встану. Однако — видишь — встала! Суток через трое вдалась я воспитатель мой уехал в волость, и вот слышу я ночью, стучат в окно. Решила: пришли убить! А это Егор Нестеров.

«— Живо, — говорит, — собирайся!»

Вышла я на улицу, сани парой запряжены, в санях — Степанида; спрашивает:

«Жива ли?»

А я и говорить не могу от радости, что есть люди, позаботились обо мне!»

Громко шмыгнув носом, она часто заморгала, глаза у нее странно вспыхнули, я ждал — заплачет, но она засмеялась очень бесовито и как-то по-детски.

«Привезли они меня в город, стали допрашивать, да лечить, да кормить, — в жизни моей никогда не забуду, как лелеяли меня, просто, как самую любимую! Народ все серьезный, тут и Устюгов, и Лиза, и еще рабочий один, Василий Петрович, смешной такой. Ну... всего не скажешь, а просто: к родным попала! Дядя Егор удивляется: «Я, — говорит, — не верил ей, почитал за шпионку от них». Жила я в городе месяца четыре, уже началась гражданская, за советы, пошел кулак войной на нас, и было это в наших местах вроде сказки: и страшно, и весело! Путаница большая была, так что и понять трудно: кто за кого? Никита учит меня:

«Вертись осторожно, товарищ Анфиса, держи ухо востро».

Научил меня кое-чему, светлее в голове стало, я уж по всему уезду шмыгаю: где на митингах бабам речи говорю, где разведку веду. Тут уж мне трудно рассказывать, много было всего; перед глазами-то, как река течет. Поработала, слава те, господи!»

Славословие богу скомкнулось ее, покраснеть она не могла — и без того лицо ее было красное, точно кирпич, — но она всплеснула руками, засмеялась, виновато воскликнула:

«Фу ты, батюшка! Бог и оговорилась! Привычка, товарищ! Слова эти — скорлупа! А своих — не позвалишь, они сами себя делом хвалят. Ну, ладно!.. Да, милый, поработала в охоту. Егор Нестеров собрал отряд, ед, десятка три, сходил в село для наказания — там видишь, хозяйство иное разорили, Ивана-то укокали, должно быть, пропал, степаниду на небесу сожгли, Авдотью Мокееву убили, а сестрицу ее, Таню, изнасильничали — она и по сей день дурочкой ходит. Егор суд устроил на площади. Никита Устюгов речь говорил, народ одногласно осудил Антонова, хозяина моего, да еще двоих: Зотова, мельника, и попа. Застрелили их. Дюков скрылся, урядника в перестрелке убили, а старику Мокееву и бороду, и волосья на голове обрили начисто и — ходи, гуляй! Все было страшно, а как вывели Мокеева-то на улицу бритого — не поверишь: такой смешной он стал, что хохотали все до упаду, до слез, и весь страх пропал в смехе! Это Никита шутку выдумал. Ох, умен был мужик! Посадили его предом сельсовета, Авву секретарем, и тоже в дело вошла, все с бабами возилась. Тут они все уж верили мне: «Из богатого дома зря на бедную сторону не встанешь» — говорят! «Эх, — говорю, — подруги! Да ведь вы сами знали, что я в богатом-то дому собачой служила!» «А не служи!» Смеются. Ну, ладно! Примерно месяца через два пришлось нам бежать: белые пришли, и — многовато их! Егор со своими в лес ушел, у него десятком пятов людей было, мог бы собрать больше, да винтовок не было. Меня и Степаниду оставили в селе: наблюдайте, да не показывайтесь! Степаха, отчаянная голова, там притаилась, а я притаилась версты за три на пасеке. Живем. По ночам Степаха приходит, один раз винтовку скрыла, принесла мне и говорит:

«— Знаешь, Дюков с белыми, любовничек мой, и я ему хочу дерзость устроить, сволочи! Он там взяточки собирает, стращая людей, и уже из-за его языка двое пострадали, заарестованы».

«— Пропадешь», — говорю.

«— Авось сойдет!»

Сошло ведь! Тоже смешной был случай. Сижу я как-то вечером на пасеке, шью чего-то, поглядываю сквозь деревья на дорогу в село и вижу: будто Степанида идет, а с ней мужчина в белом картузе, белой рубаче, идут не по дороге, а боком, кустами, там тропинка была на целебный ключ. Не понравилась мне эта прогулка. Хоть и счастлась Степанида сознательной, да уж больно жадна была на всякое баловство. А она все ближе; тут уж я подумала: «А не бежать ли мне в лес?» Вдруг вижу: наклонился белый-то, а она — верхом на спину ему, ноги свои подмашки его сгнула, голову в землю прижала, кричит: «Анфис!» Баба она здоровая, ловкая была! Бегу я к ней, сама задыхаюсь от страха, барахтается белый-то, вот-вот сбиет ее с себя! Подбежала, успокоила его по затылку. Степанида револьвер вынула из кармана у него.

«Веди, — говорит, — его к Егору, он там сгодится».

А это Дюков и был! Ну, сволокли мы его на пасеку, отчулся он там, Степанида говорит:

«Стрелять знаешь как? Револьвера из рук не выпускай, так и веди. Я, — говорит, — тут

Какой-то седенький, лихорабочный, что ли, скомандовал: «Шомполами!»

Встреча

ГУГО ГУППЕРТ

Всего два дня он здесь в стране,
Два дня он в городе большом.
На Красной площади был снег,
Когда он к Ленину пришел.

На Спасской башне тихий звон;
И мавзолей в уступах строг.
Он здесь чужой,— но вздрогнул он,
С людьми ступивши на порог.

Спускался вниз, забыв слова.
В подземной зале свет венцом.
Сломав шаги, дыша едва,
Взглянул он Ленину в лицо.

Был человек в стране два дня:
И вот чело, и вот висок —
Над гробом знамя наклоня,
Грядущий век стоит высок.

Чтоб грохот города не гас,
Чтоб сталась нива широка,
Чтоб рос завод — дала приказ
Вот эта — водчего рука.

Был долог взгляд, как путь до звезд
К плечу кулак поднялся строг:
Не глядя вспять, он этот жест
Донес как клятву на порог.

Он кепку мял в руке, забыв,
И в трепетанье дня вошел.
И день был он, и день был жив,
И годы видны хорошо.

И встало счастье — часовой,
И молодела голова.
Он стал стране как сын, как свой,
И шаг был тверд, и жизнь нова.

Перевод с немецкого С. ТРЕТЬЯКОВА

останусь, а ты не приходи и скажи, чтобы мне кого-нибудь прислали, дело у меня есть».

Ладно, поехала я Дюкова; до Егора далеко было, около двадцати верст, а верстах в пяти — хутор староверский, там тоже наши сидели. Идет Дюков впереди меня, плечи трясутся, плачет, угозаривает: «Отпусти!» Подарки сулил. Стыдно ему, конешно, что бабы в плен взяли, ну и боится тоже! «Иди,— приказываю,— и не пикни, а то застрелю!» Хохотали наши над ним, да и надо мной, и он сидит на пеньшке, трясется весь, лица за нем нет, маленький, щуплый, даже смотреть жалко было. Суток через двое Степанида заманила на пасеку еще белого. Привели его к нам те двое, которых послали к ней, и говорят: «Ну, эта рисковая баба пропала, считайте!»

Так и вышло: пасеку разорили, а от Степаниды — ни костей, ни волоса, так и неизвестно, что с ней сделали. А пленных ее оказался полезный: рассказал нам, что через трое суток белые город брать будут и что к ним большая сила подходит. Не соврал. Двинулись мы в город. На Каме, на берегу, сражение было небольшое, как будто и ненужное, да уж очень он дрался дядя Егор, Семерых наших убили. Город белые взяли, конешно: их было, пожалуй, сотни полторы, а защитников — человек сорок. Постреляли друг в друга издали, и ушли наши в лес. Так, дорогой товарищ, годика полтора, пожалуй, и вертелись мы вроде карасей в сети: куда ни сунься,— белые, а бывало, что и красные белели, было и так, что белые перебегали к нам. Да. За горами идет большая гражданская, Колчака бьют, а мы — свою ведем, и конца ей не видим. Как пожар лесной: в одном месте погасяет, в другом — вспыхнет. Перекинулись даже в Одиновский уезд, там бедноты много, все рогожки да веревки вьют. Дядя Егор прихварывать начал — лошадь помала его, да и раненя была в ногу. Под городом Осой захватили его белые: он с товарищами на гонных натнулся, двоих убили, его подранили. Четвертый, гимназист пермский, прибежал в город, где Лиза со мной была. Лизавета послала меня поглядеть, нельзя ли как выручить дядю. Белые на реке стояли, верстах в трех, у пристаней. Пришла я, а Егор висит на дереве, полуголый, весь в крови с головы до ног, точно с него кожа клочьями содрана — страшный! И кисти на правой руке нет. Спрашиваю какого-то рогожника:

— За что казнили?»

— Большевичок,— говорит,— настоящий! большевичок; они его тут мучили-мучили, а он их — кроет! Довели его до беспамяти, пожалуй, даже мертвого и вешали».

Ну, тут обалдела я немножко. Жалко товарища-то! У пристани народ был, я и говорю:

«Как же вам, псы, не стыдно? Вас бы,— говорю,— вешать надо, бессовестный вы народ!»

Недолго покричала: отвели меня к начальству. Какой-то седенький, интеллигентный, что ли, трясется весь, скомандовал: «Шомполами!» Десяточка два получила, и с неделю — ни сесть, ни на спину лечь. Хорошо, что тело у меня такое: чем бьют больней, тем оно полней. Вроде физкультуры. Да, товарищ, бою отведала не меньше норовистой лошади; кожа у меня так мята-изодрана, что едва удивляюсь: как это кровь мою не выпустили? А ничего, живу — не охаю!

Ну, что же дальше-то? Первое-то время после нашей победы не легче стало, а будто скушней. Близкие товарищи — кои перебиты, кои разбрелись по разным местам, по делам. Лиза в Екатеринбург уехала, учиться, тогда еще Свердловска не было. Остались я вроде как одна. Народ у нас, в сельсовете, все новый, осторожный, много не знают в нашей жизни, а что знают, — это по-наслышке. Про них один парень, чахоточный,— он помер года два тому назад, — частушку сочинил:

«Сели власти на вышке,
Рассуждают по-наслышке:
Мы-де здешний сельсовет,
Наплевать нам на весь свет».

Власть на местах была в ту пору. Потом новая экономическая началась. Пристроили меня к совхозу, да не удался он, разродилось новое кулачье, разграбило. Была зиму сторожихой в школе, — ну какая я сторожиха? Учительницо — старенький, задира, больной, ребят не любит. Стала полезно батрачить, и вижу: все, как будто назад попятилось, под гору, в болото. Бабы звереют: ничего знать не хотят, кроме своих углов. Беда моя — слабо я разбираюсь в теории, сидела это мне, а учиться времени нет! Да и человек-то я уж очень практический, не знаю, как писание к настоящей жизни применить, к нашему быту, ловкости у меня нету. Одно знаю: от этих своих углов — все наши раздоры и разлады, и дикость наша, и бесполезность жизни. Знаю, что первое дело — быт надо перестроить и начинать это снизу, с баб, потому что быт — на бабьей силе держится на ее крови-поте. А как перестроишь, когда важдая баба в свое хозяйство вполнена, грамотных-мало, учиться—некогда? Завосвали бабью жизнь горшки-плошки, детишки да бельишко... Начала я уговаривать баб прачечную общественную строить, чтобы не каждая стирала, а две-три, поочередно, на всех. Не вышло ничего. Стиц помешал: бельишко-то у всех заношено, да и плохое; когда сама себе стирает — ни дыр, ни грязи никто не видит, а в общественной прачечной каждая будет знать про всех. Они, конешно, не говорили этого, я сама догадывалась, а они проваливали меня на вопросе с мылом: десять, как же мыло считать? У одной десять штук белья, а у другой — четыре, а мыло-то как? Потом некоторые признались: мыло — пустяки, а вот стыда не обоснуешь! Будем побогаче, устроим и прачечную, и бани общие, и пекарню. Утешили: будем побогаче! «Эх, бабы,— говорю,— от богачства нашего и погибаем...» Ну, все-таки дела идут понемножку, безграмотность ликвидируем; «Крестьянку» совместно читаем, очень помогает нам «Крестьянская газета». Вот она — да! Она — друг! Нам, товарищ дорогой, акушерский пункт надобно, яслн надо, нам амбар Антоновых надо под бабий клуб, амбар — хороший, бревенчатый, второй год пустой стоит».

Она стала считать, что сй надо, загибая пальцы на руках,— пальцев не хватило. Тогда, постукивая кулаком по столу, она начала считать снова:

«Раз, два...»

И насчитав тринадцать необходимостей, рассердилась, даже раза два толкнула меня в бок, говоря:

«Маловато вы, товарищи, обращаете внимания на баб, а ведь сказано вам: без женщины социализма не построить. Бебель-то забыли? А Ленин что сказал? А Сталин что вам приказал? Не освободив бабу от пустяков, государством управлять не научишь ее! А у нас и уком и райком сидит, как медведь в берлоге, и хоть бей — не шевелится! Только слов у них: «Не одни вы на свете!» А дело-то ведь, товарищ, ясное ясного: сжели каждая баба около своего горшка щей будет вертеться, чего достигнем? То-то! Надобно освобождать нас от лошадиной работы. Время нам надобно дать свободное. Я вот сюда третий раз притопала, сосчитай: вперед — назад сто двадцать верст, а за три раза — триста шестьдесят. Шутка! Это значит — полмесяца на прогулку ушло. Ну, ладно! Выговорилась я вся, допуста. Спать пойду. А ты мне укомцев-то настегай, не то в губком пойду. Эх, скорей бы зачислили меня в партию, уж так бы я их встряхивала!»

● ОТ РЕДАКЦИИ: «Бабы» — последний из рассказов Горького, опубликованных при его жизни. Впервые рассказ был напечатан в мартовской книжке журнала «Колосья».

Максим Горький в 1900 году.

БУРЕВЕСТНИК

Очерк ЮЛИИ НЕЙМАН

О том, что квартира в доме Лик взята под наблюдение, Алексею Пешкову сообщила Саня Клюева, торговка кружевами. Санин брат, жандарм, с утра до вечера торчал в мелочной лавке напротив.

В квартире они жили втроем: Чекин, Сомов и Пешков. Чекин — бывший учитель, Сомов — бывший студент, Алексей Пешков — цеховой малярного цеха.

Содружество было явно подозрительным. Начальник нижегородского жандармского управления генерал Познанский имел основание писать: «Дружба его (Пешкова) с вышеназванными двумя, несравненно выше его стоящими по образованию, личностями, дает право предполагать, что он, Пешков, представляет из себя орудие, при помощи которого Чекин и в особенности Сомов распространяют или желают распространять в городе свои антиправительственные воззрения».

Слово «орудие» было неудачным определением. Слово это будило представление о чем-то пассивном. А внешность этого долговязого парня, хмурое, энергичное лицо его исключало всякую мысль о пассивности. «Неблагонадежная» внешность!

Запросы об Алексее Пешкове были разосланы в Казань, Саратов и Царицын.

Казанская полиция ответила немедленно, что Пешков в Казани служил в булочной, устроенной с неблагонадежными целями, водил знакомство с неблагонадежными личностями и читал сочинения «особенного, не вполне желаемого и несоответствующего его развитию и образованию направления».

Полиция могла бы добавить, что служба в булочной была лишь кратковременным эпизодом в биографии этого 21-летнего парня, успевшего к тому времени побывать в должностях магазинного мальчика, посудника, ученика иконописной мастерской, птицелова, десятника, театрального статиста. Ему, Алексею Пешкову, не сиделось на месте, нигде он не мог прижиться и нигде не мог оставаться пассивным наблюдателем, созерцателем. Даже, когда, поддавшись припадку отчаяния, он в 1887 году прострелил себе грудь из старого тульского револьвера, записка, оставленная им, резко отличалась от кроткой и примирительной литературы подобного рода. «В смерти моей прошу винить, — писал он, — немецкого поэта Гейне, выдумавшего зубную боль в сердце...»

Обыск в комнате троих ничего существенного не обнаружил. Тем не менее Пешкова арестовали. На допросе он держал себя «дерзко и даже нахально», так уверяли жандармы.

Отсидев месяц, Алексей Пешков, в будущем знаменитый писатель Максим Горький, вышел из нижегородского тюремного замка тем, кем остался для царских жандармов вплоть до февраля 1917 года, — «личностью неблагонадежной», находящейся под неусыпным надзором полиции.

Полиция следит за каждым шагом писателя. Из секретного отношения на имя самарского полицмейстера мы узнаем, что 23 марта 1895 года «мещанин Алексей Максимович Пешков выбыл из города Нижнего Новгорода в Самару». В литературной биографии Максима Горького этот факт означал превращение Пешкова, к тому времени уже автора «Челкаша», в фельетониста Иегудиила Хламиду.

Кто такой Иегудиил Хламида? Развертывает обыватель после сытного обеда воскресный номер «Самарской газеты», ищет почитать «что посмешнее» — и тут-то обрушивается на него гневный, негодующий, беспощадный Иегудиил.

Хочется обывателю прочесть веселую статейку о заезжих карликах-лилипутах, и обыватель читает: «Наверное, карлики будут иметь в Самаре колоссальный успех. Всякому любопытно посмотреть на людей еще более маленьких, чем он сам».

Царские псы следили за каждым шагом писателя. На фото: карточка Горького в петербургской охранке.

Нет подоя от Хламиды! Произошло ли увечье на фабрике, избил ли хозяин услужающего мальчика, — до всего дело проклятому фельетонисту! Не даром фабрикант Лебедев называет его «болезнетворной бациллой в здоровом организме печати». Хламида пишет от имени тех, кого не видит, не хочет видеть сытый обыватель, тех, кто еще стоит за дверьми, кто значится между строк официальной истории Государства Российского.

Он нигде не забывает о них, об этих «гнусах», создающих довольство Российской империи. Вот он возвращается в свой родной Нижний. В городе — суголока, под'ем: ждут царя на «Всероссийскую выставку». Парадным строем развернуло купечество свои богатства. Фабриканты стеариновых свечей воздвигли восьмиаршинные свечи-столбы, российские «мыльные короли» выставили бюсты четырех императоров, вылепленные из их душистого товара. Нарядны павильоны Нобеля, Алафузова, Крестовниковых. И по всем этим павильонам, среди всех этих великолепных безвкусиц ходит высокий человек с насмешливым лицом мастерового и вспоминает то, что не следует вспоминать.

В павильоне бакинских промыслов Нобеля он говорит о том, «как скверно живется людям в обетованной стране нефтяников». Вычитав в рекламной брошюре завода бр. Крестовниковых о больнице для рабочих, он вспоминает: «Я видел в 1889 году больных, которых выдворяли из этой больницы, решив превратить ее в склад душистого мыла».

Он всегда помнит о них, и они помнят и любят его. Имя писателя Горького скоро становится синонимом протеста, борьбы, революции. В 1902 году в Москве распространяется такое воззвание:

«Завтра, 8 ноября, в 8 часов утра, с почтовым поездом в Москву приедет проездом в Крым Максим Горький. Из Нижнего он удаляется административно, т. е. насильственно и незаконно. Весь Нижний возбужден этим новым проявлением насилия над любимым поэтом, воспевшим борьбу и свободу и певшим песню безумству храбрых... Мы обращаемся к московской учащейся молодежи и ко всему московскому обществу с просьбой присоединиться к нашему протесту, расширить его и постараться об устройстве таких же демонстративных встреч в городах, через которые поедет Горький... Пускай же путь борца за свободу человеческой личности будет триумфальным шествием победителя!..

Нижегородцы»

Полиция сделала все возможное, чтобы сорвать «триумфальное шествие», и это ей удалось. Тем не менее первая политическая демонстрация в Нижнем Новгороде связана с именем его славного уроженца. Ленин в «Искре» писал: «В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького... Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас,— говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе,—а мы заявляем, что это было хорошее влияние.» (Ленин, т. IV, стр. 345).

Между искровцами и Горьким кровная связь. Уже в 1902 году происходит свидание писателя с представителями нашей партии — Лепешинской и др. «Мне было крайне приятно слышать,— пишет Лепешинская,— что все его симпатии лишь на нашей стороне. Органом, заслуживающим уважения, талантливым, интересным

Ленин и Горький (снимок 1920 года).

он находит лишь «Искру» и нашу организацию — самой крепкой и солидной... Я вижу, что мы произвели на него хорошее впечатление, чем очень обрадована. Он же произвел прямо чарующее впечатление...»

9 января 1905 года Горький был в Петербурге. Вечером, после рокового расстрела, он писал обращение к обществу от имени участников делегации общественных деятелей. Обращение заканчивалось призывом «к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

11 января Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Но шум, поднятый в европейской печати, напугал царское правительство: Горького решено было освободить до суда с подпиской о невыезде. Однако последняя мера вызвала протест у... начальника охранного отделения. Он заявил, что ни одного часа не оставит Горького на улицах столицы. И Горького выслали в Ригу.

Горький требовал суда. «Необходимо, чтобы меня судили,— настаивал он.— Если же они решат кончить эту неумную историю административным путем, я немедленно возобновляю ее, но уже в более ярком масштабе, более ярком свете и добьюсь суда для себя — позора для семейства гг. Романовых и иже с ними».

Дело было замято.

Сталин и Горький (снимок 1931 года).

Начиная с 1905 года Горький оказывает активную помощь большевистской партии.

Царское правительство усиленно добивалось займа заграницей. Заем нужен был для окончательного подавления революции. И буржуазная Франция дала деньги Николаю II.

Горький ответил на это грозным памфлетом «Прекрасная Франция».

Этот памфлет вызвал бурю возмущения во французской прессе. Как! Французы хлопотали о том, чтобы Горького освободили из тюрьмы, и вдруг такая неблагодарность!

Горький пишет «господам журналистам» Франции:

«...С точки зрения здравого смысла, вам, господа, следует добиваться, чтобы я в тюрьме сидел возможно чаще и дольше, а когда вы протестуете против этого, меня такое ваше поведение, извините, смешит.

Ибо мы — враги непримиримые...»

В Америке, куда Горький поехал для сбора денег в кассу большевиков, им была написана «Мать». «Мать» печаталась в сборниках «Знание». По выходе трех сборников комитет по делам печати наложил на них арест и потребовал привлечения автора к суду.

Зато революционные рабочие встретили книгу с восторгом. Владимир Ильич прочел ее еще в рукописи. При встрече с Горьким он сказал, что находит «Мать» книгой очень своевременной и нужной.

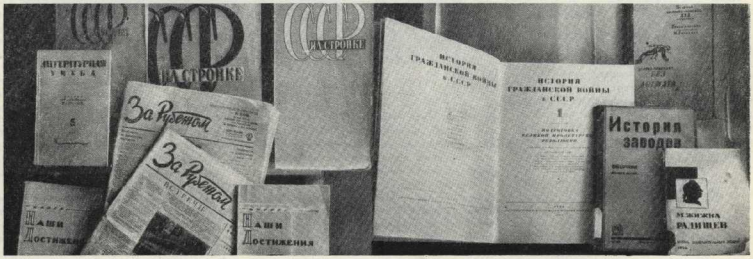
Ленина и Горького связывали тесная дружба и глубокое взаимопонимание. Из писем Владимира Ильича «Максимычу» видно, как ценил он его, как заботился о его здоровье, с каким вниманием следил, чтобы мелкая, каждодневная работа не отвлекала писателя от большого дела его жизни.

Ленин прощает Горькому некоторые колебания и отступления, он знает, что Горький наш, несмотря ни на что. И когда в 1918 году Горький, поборов ряд мучивших его сомнений, приходит к полному признанию Октября, Владимир Ильич встречает его с распростертыми об'ятиями.

Горький включается в активную работу страны. Как отнесся к этому шагу любимого писателя пролетариат, видно из письма рабочего-сормовича Дмитрия Павлова:

«Дорогой Алексей Максимович! Прежде всего позвольте выразить вам свою глубокую радость, что вы наш, что вы окончательно с нами. А то было как-то больно там внутри, во время горячей работы, когда напряжено все, а вас среди нас нет! Я как-то не мог переносить этой мысли, привыкнув десятки лет считать вас своим, близким нам — рабочим Другом, Учителем и, главное,— Товарищем! О сколько было передумано, перечувствовано вместе с вами! Но ладно, главное, вы опять с нами, вы наш, теперь-то от нас не уйдете. Врете — не уйдете! И баста!»

Он не ушел. Когда в 1921 году болезнь вынуждает его уехать на долгий срок за границу, душой он остается в Союзе. Он ведет горячую переписку с самыми разнообразными людьми. «Иногда начитаешься писем,— говорит он,— и так захочется домой, что, если бы не роман



Все эти замечательные советские издания, знакомые каждому культурному гражданину нашей страны, были задуманы Алексеем Максимовичем. Горький был редактором многих журналов и книжных серий.

(«Жизнь Клима Самгина»), уехал бы в глушь, к чертям диким».

Горький — горячий, страстный защитник Советской России заграницей. В те годы немало «визитеров» приезжало в Советский союз. Окинув беглым и высокомерным взглядом враждебную им страну, они с удовольствием отмечали недостатки, пренебрегая великими достижениями рабочих и крестьян, строящих социализм. Писания этих людей встретили достойного оппонента в лице Горького. В своих ответных статьях Горький рассказывал о подлинной жизни страны, о том, какие огромные трудности приходится преодолевать партии и всем трудящимся. Он обливает презрением людей, «забракованных историей»,— белоэмигрантов, распространяющих нелепые слухи о Советском союзе.

Горький немало трудов положил для того, чтобы «открыть» Советскую Россию для западноевропейской интеллигенции: он показывает настоящее лицо нашей родины, возбуждает к ней интерес, уважение, любовь. Огромно и благотворно его влияние на таких крупнейших художников Запада, как Ромэн Роллан и Андре Жид.

28 мая 1928 года Алексей Максимович Горький окончательно возвращается в свою помолодевшую страну. Возвращается, хотя климат русской низменности вреден ему, хотя каждая незначительная простуда грозит смертью. Слабое здоровье не мешает ему вести гигантскую, напряженную работу.

В первые же дни приезда Горького обыватели засыпают его письмами недовольными, ноющими. С гневом и отвращением наблюдает Горький эти «холодные мещанские струйки в горячей атмосфере труда и творчества». Обывательское нытье не находит у него ни жалости, ни сочувствия. Эти люди, эти «механические граждане» не видят ничего кроме жалких мелочей. Их куцый взгляд не замечает прекрасных ростков будущего, пробивающихся вокруг. Горький отвечает им резко и едко.

Зато как чутко, как поспешно откликается он на все живое, творческое! Лучший друг большевиков, с каким восторгом приветствует он чудесное превращение рецидивистов в деятельных граждан Советской страны, как радуется он творческой инициативе детей!

Он работает неустанно, без жалости к себе. Он инициатор «Истории гражданской войны», «Истории фабрик и заводов», серий «Жизнь молодого человека XIX века», «Жизнь замечательных людей», редактор многочисленных журналов, чуткий неутомимый помощник молодых писателей. Даже отдых его был заполнен физическим трудом.

Но его могучий организм подточен болезнью. Пять раз побеждает он инфекцию, в шестой раз одерживает победу болезнь.

Алексей Максимович никогда не жаловался на свои физические страдания. В последние дни, полусидя на постели, задыхаясь, он говорил о литературе, о работе, о том, как много еще нужно сделать. В очень трудный для него час он просил дать ему номер газеты с проектом сталинской Конституции. «Подумайте, ведь сегодня в стране камни поют!» — говорил он.

8 июня его посетили товарищи Сталин, Молотов и Ворошилов. Встреча с любимыми вождями дала ему огромную радость, физически подбодрила его.

18 июня 1936 года Алексея Максимовича Горького не стало. Последними словами умирающего были:

— Будет война... Надо готовиться...

БОЛЬШОЙ БЭД ГОРДОН

Рассказ американского писателя ЮДЖИНА ГОРДОНА

Большой Бэд Гордон, двоюродный внук моего дедушки, был ростом шести футов и восьми дюймов, широк в плечах, мускулист, но ничуть не толст, весил триста фунтов и отличался исключительной силой и храбростью.

Он прекрасно знал, что в той части Георгии, где мы жили, а может быть, во всем штате не было более сильного человека чем он.

Однако он никогда этим не гордился, а если показывал свою силу, то лишь шутя, в каких-нибудь играх. И если кто-нибудь, доведенный его шутками до бешенства, бросался на него, не помня себя, он одним движением руки отшвыривал противника. Рассказывали, что однажды он один вытащил лошадь, завязнувшую в грязи по брюхо.

Когда мы переехали из Нового Орлеана на ферму моего дедушки, находившуюся в шести милях от Гаукенвилля, многочисленные родственники нахлынули на нас с бесконечными расспросами.

Мы приехали из большого города. Наши родственники всю жизнь прожили в деревне. Неграм южных плантаций удивительны жители городов, где есть дома выше двух этажей, где по дорогам бегают экипажи без лошадей, где ночью на улицах горят «лампы». Нашим родственникам хотелось узнать, как мы жили, чем занимались. Кроме того их интересовало, можем ли мы состязаться с ними в остроумии. От этого, видимо, зависело, достойны мы их дружбы или нет.

Всякое событие нашей деревни и соседнего города затевали между собой состязание в искусстве метких ответов. Я ужасно страдал, когда на моих глазах мать, истощив запас метких ответов, шаг за шагом сдавала свои позиции. Совершенно матери был Большой Бэд. Наконец, мать совсем перестала отвечать на его едкие колкости. Надо признать: успешно состязаться с Бэдом ей мешал все время плакавший младший братишка.

Я злобно смотрел на Бэда и придумывал, как бы мне половчее его обругать. Но раз сплоховала мать, что же мог сделать я, маленький мальчик?

Мать повернулась и пошла домой. Бэд одержал полную победу.

— Затяните от вашему мальчишке! — кричал он ей вслед. Как сейчас помню, мать шла под тутовыми деревьями и чуть не плакала.

Я не мог примириться с тем, что это громадное животное уходит безнаказанно. Я жалел, что не могу сравнить его, как Джек—убийца великана. Все же, когда Бэд подходил к воротам своего дома, я не вытерпел, поднял лежавший у колодца камень и, что было силы, бросил ему в голову. Шляпа слетела ему на глаза. Он одной рукой поправил ее, а другую опустил в карман, где всю обрисовывались контуры револьвера. Но, обернувшись, он убедился, что на него напал не белый, вооруженный с головы до ног, а всего-навсего маленький сын той женщины, которую он только что победил.

Я презирал его и избегал встречи с ним, пока, наконец, один случай не заставил нас встретиться. На этот раз я увидел Бэда таким, каким он рисовался моему отцу и дедушке. Но, прежде чем рассказать об этом, я должен упомянуть, что случилось со мной несколькими месяцами раньше.

Нас, сыновей Ильи Гордона, все знали в округе не потому, что мы чем-нибудь отличались от других, а просто потому, что мы были детьми своего отца. У негров наша семья пользовалась уважением. Белые нас ненавидели.

Однажды я, усталый и голодный, возвращался из школы домой. До дому оставалось еще две мили. Кругом было пустынно. Дорога была обсажена деревьями и кустарником. Быстро темнело. Меня обогнала тележка. Не всегда негритянский мальчик думает о том, что нравится белым: я забыл поклониться. Двое сидевших в тележке внимательно поглядели на меня и, узнав во мне сына Ильи Гордона, остановились.

— Вижу, что ты не только не хочешь разговаривать с нами, но даже не поклонился нам,— сказал сидевший на передке парень лет двадцати пяти.

Я сразу узнал его. Мы встречались с ним во время наших поездок с отцом. Отец его презирал и никогда с ним не разговаривал.

Я сразу понял, что это вызов отцу.

— Я не мог видеть вас потому, что вы меня обогнали,— спокойно заметил я.

— Какая наглость! — сказал его товарищ.— Презренный негр смеет так разговаривать с белыми!

Его хлыст взвился у моего лица.

— Сын Ильи Гордона? Сразу видно. Весь в старика. Слыханное ли дело, не здороваться при встрече с белыми! Застрелить, что ли, его или задать хорошую взбучку?

— Если хотите, я могу поклониться вам,— испуганно пробормотал я, чувствуя, что иду на позорную уступку. Но что мне оставалось делать?

— Можешь поклониться?! Сашиком поздно. Ты обязан был это сделать сам, не дожидаясь, пока мы остановимся...

Он замолчал. Издали донесся шум приближающейся телеги. Я оглянулся, инстинктивно ища защиты. Негодяи злостнули муха и скрылись в темноте. Телега обогнала меня. Дома я ни слова не сказал о случившемся.

Через шесть месяцев я ехал по другой дороге вместе с большим Бэдом Гордоном. Он догнал меня, когда я шел с поручением к дяде Бэнда, и предложил подвезти. Я сел. Сиденье было просторное, но я все уселся. Мне было не по себе, может быть, от того, что Бэд затиснул меня в угол. Мы оба молчали.

— Как тебе нравится здесь, в деревне?— спросил Бэд наконец.

— Как будто нравится.

— Что значит как будто? Ты живешь здесь достаточно, чтобы знать, хорошо тебе здесь или нет.

Я насупившись, молчал.

— Ну, а городская школа тебе нравится?

Я отвечал ему, что мне нравится ходить в школу.

— Ну, а бывают на дороге какие-нибудь неприятные столкновения с бездельниками из Гордфорда?

Гордфорд — предместье Гаукенвилля. Я рассказал Бэду о происшествии, случившемся со мной по этой дороге. Помолчав, он спросил:

— А ты бы узнал их, если бы теперь встретился с ними?

— Конечно, узнал бы,— ответил я спокойно, тогда так мне хотелось закричать от радости: еще бы, Большой Бэд Гордон становился моим союзником!

— Мне нет дела до белых,— сказал он сердито.— Чего хорошего можно ожидать от этих вонючих псов?

Я не знал, что ему ответить. Что бы он сказал о моем друге, белокурой девочке Елене? Я не решался заговорить с ним об этом. Помолчав, он снова заговорил:

— Белые все — выродки: им ни на грош нельзя верить. Берегись, если кто-нибудь из них у тебя за спиной. К сожалению, не лучше и белые женщины.

Тогда я не выдержал. Я сказал, что знаю одну прелестную девочку, самую лучшую девочку в мире. В самом деле, Елена была очаровательна.

— Знаешь, она влюблена в меня,— выпалил я неожиданно для себя и покраснел до ушей.

Бэд ужаснулся. Это почувствовала даже лошадь, так он дернул вожжами. Мне показалось, что он разорвал ей удилами рот.

— Ты что, с ума спятил?—закричал он.—Куда ты знаешь, что она влюблена в тебя?

Я рассказал ему, как она высовывается из окна, когда я прохожу мимо. Рассказал, как я встречался с ней в доме моего отца, как, уходя, она взглянула на меня, как уже на пороге оглянулась и улыбнулась мне.

Бэд выслушал меня молча, но ему трудно было скрыть свое волнение.

Рисунок американского художника Я. БЕРКА

... Лаутон повалился на дорогу, как мешок.

— Какой ты, погляжу я на тебя, набитый дурак! Молоко на губах не обсохло, а уж воображает, что какая-то белая девочка могла влюбиться в него!

Я сидел, подавленный его гневом, плотно втиснутый в угол сиденья его огромным телом.

— Еще никто из семьи Гордонов не подвергался суду Линча! — прорвал он в ярости.— Уж лучше убить тебя собственными руками!

В смертельном страхе я подумал, что он собирается меня убить сейчас же.

— Да я вовсе не бегаю за ней, — сказал я растерявшись. — Если уж на то пошло, скорее она бегает за мной, чем я за ней.

Лошадь еле тащилась, колеса тележки скрипели по песку, мы молчали.

Вдруг Бэд насторожился.

— Кто это там еще едет?..

Действительно, кто-то ехал нам навстречу. По обычаю, заведенному юстари, при встрече двух экипажей один уступал другому половину дороги. Если одна из тележек была сильно нагружена, другая обязана была совсем свернуть с дороги. Но если в одном экипаже ехал негр, а в другом — белый, то негр обязан был сворачивать с дороги при всех обстоятельствах.

Ехавший нам навстречу белый отлично знал свои привилегии. Но Бэд не свернул с дороги. Я понял, что столкновение неизбежно. Пока я размышлял, чем все это может кончиться, белый под ехал так близко, что я узнал в нем одного из тех молодцов, которые остановили меня на дороге и надеялись надо мной за то, что я им не поклонился.

— Бэд,— запинаясь я взволнованно,— это тот хвастун, о котором я тебе рассказывал.

Белый остановил лошадь. Но, увидев, с кем он имеет дело, побледнел. В его жестоких серых глазах промелькнул ужас.

— Это он, он!—злорадствовал я, теребя Бэда.

— Я его знаю, — сказал Бэд, не поворачивая головы.— Ему и его брату принадлежит поместье Лаутон. Он, видимо, не сразу узнал меня.

В этот момент Лаутон резко повернул лошадь и уступил нам дорогу, даже больше, чем следовало. Но этим дело не кончилось.

Помещик вскочил в своей тележке и, чрезвычайно вежливо, с нами, выхватил из кармана револьвер. Меня поразили его рост и отличное сложение. «Почти атлет, — подумал я,—почему я в тот раз не заметил этого?»

Бэд передал мне вожжи и повернулся в сторону Лаутона. За его широкой спиной я чувствовал себя, как за стеной, откуда спокойно можно было наблюдать за событиями.

Мне видно было, как Лаутон поднял револьвер, как под рубашкой напрягались мускулы Бэда; но прежде чем я успел еще что-либо разглядеть, Бэд выхватил у Лаутона револьвер и, обняв белого обеими руками, высоко подцал вверх.

Я в ужасе закричал.

Бэд с такой силой бросил Лаутона, что тот повалился на дорогу, как мешок.

«Умер», — подумал я.

Бэд взял вожжи, но не тронул лошадь. Он сидел и ждал, время от времени озираясь по сторонам. Кругом было пусто. Наконец Лаутон очнулся и встал на четвереньки. Его волосы густой бахромой свисали на глаза, из носу текла кровь. Смешанная с песком, она узкой полоской струилась по подбородку.

— Взгляни на этого блондина, как он хорош!—сказал Бэд. Лаутон встал, встряхнул головой, повидимому, не сознавая еще, что произошло, потом, пошатываясь, направился к нам.

— Еще хочешь?—заревел Бэд.—Ну что ж, подходи!..

Лаутон вытер рукавом окровавленное лицо и, выплевывая изо рта песок, протянул руку:

— Нет, довольно! Я вижу, что вы настоящий мужчина. Я восхищаюсь такими людьми.

Бэд спокойно пожал ему руку.

— Да, вы поступили, как честный человек, и пусть это останется между нами.

Бэду хотелось рассмеяться, но у него вышло что-то, похожее на фырканье.

— Итак, все в порядке,—промолвил он. — Вы справедливо заметили, что я мужчина и честный человек. Но это было мне хорошо известно и без вас. Согласитесь, что не я был зачинщиком.

Лаутон заглянул за спину Бэда.

— Пусть прошлое будет забыто,— сказал он, обращаясь ко мне и великодушно протянул мне руку. Пожимая ее, я был счастлив и горд.

Лаутон повернулся, надел шляпу и сел в тележку. Он помахивал рукой до тех пор, пока мы не скрылись из виду.

Мы, конечно, отвечали ему тем же самым. На дне тележки у наших ног подскакивал револьвер.

— Почему ты не вернул ему револьвер?— спросил я. — Ведь мы же расстались друзьями?

Бэд оттолкнул ногой револьвер и сплюнул на зад лошади.

— Он же не спросил его у меня, и знаешь почему?

— Нет.

— Потому что он отлично знает, что я ему не верю ни на грош... Ни одному из них.

Несколько лет спустя Большой Бэд Гордон был предательски убит из-за угла.

Перевел с английского Т. СОРОКИН

КОРОТКИЕ—ЧАСТЫЕ

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Ты сыграй, а я спою —
Разгоню печаль мою,
Последнюю, прощальную,
Печаль мою печальную.

Игровой мой, игровой,
Идет дорожкой полевой,
Идет в семнадцати летах
И вся дороженька в цветах!

Подружки, ох, упала в мох,
Никто подняться не помог,
Но вдруг услышала гармонь,
Смотрю — подходит милый мой.

Пойду косить, пойду пахать,
Твою гармонь везде слыхать.

Из-за полян, из-за лесов
Гармонь в двенадцать голосов.

Скажи: с тобой, в твоем дому
Проститься мне или ему?
Скажи, идти которому
На все четыре стороны?

На тебя гляжу, подружка,
И качаю головой,
Не качаю, примечаю:
Не с тобой гуляет твой!

Путь далекий, путь обратный
С первою порошею.
На кого оставлю брата,
На кого хорошую?

Великая хартия социализма

КОНСТИТУЦИИ БУРЖУАЗНЫХ СТРАН И КОНСТИТУЦИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Статья ДМ. ЛЕБЕДЕВА

ВОЛЧИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА

Французская конституция 1875 года была принята большинством одного голоса. Кто-то сострил, что если бы у двух депутатов лагеря «большинства» заболел живот, Франция осталась бы без конституции.

Газеты, политики, наблюдатели утверждали, что «конституция де Валона» (таково было имя ее автора, юриста) продержится несколько дней, потому что нельзя же, в конце концов, строить государственную жизнь на основе случайного соотношения сил в учредительном собрании, которое далеко не отражало подлинного соотношения сил в стране.

Однако французская конституция существует уже более 60 лет и считается незыблемой основой французского парламентского режима.

Так делалась не одна французская буржуазная конституция. Все конституции буржуазных государств были, по существу, «контролированы» (дарованы) буржуазией массам. Именно поэтому, например, буржуазные газеты очень удивлены решением советского правительства передать проект новой сталинской Конституции на обсуждение широких масс. Где и когда это видано, чтобы народ сам решал свою судьбу? Права народа всегда определялись господствующими классами, и всякое расширение этих прав вырывалось долгой кровавой борьбой. Таков волчий закон капиталистического мира.

Возьмите английскую конституцию, которая считается самой демократической. Англичане говорят — это вошло в пословицу, — что их парламент может сделать все: он может даже мужчину превратить в женщину. Английская конституция действительно наиболее полная форма буржуазной демократии из всех, какие существуют в капиталистических странах.

Но уже один внешний вид этой конституции показывает, что она является результатом длительной, упорной классовой борьбы. Ведь английская конституция как цельный юридический документ... не существует вовсе. Многочисленные составляющие ее законы приняты в разное время и нередко противоречат друг другу. Язык их тяжел и мучителен для понимания. Туманность отдельных законов дает повод для бесконечного крючкотворства, на которое англичане, как мы знаем еще из Диккенса, большие мастера.

Однако конституция и связанные с нею традиции все-таки действуют.

В конституции, например, не записано, но это считается столь же всесильным, как и сама конституция: когда председатель палаты — спикер — встает, депутат, который стоя произносит речь, должен сесть. Иначе это считается нарушением конституции. Однажды некий фривольный депутат посмел нарушить это правило и получил за это... удар от полицейского. Стоит же, впрочем, необяснима и традиция называть

Фото Н. Гущина

Обелиск Свободы на Советской площади в Москве. Начертанная на гранях этого обелиска первая Конституция Страны советов является памятником великой октябрьской победы. Конституция эта сыграла огромную историческую роль: она помогла Советской стране укрепить диктатуру пролетариата, сломить сопротивление классового врага и подготовить условия для построения бесклассового общества.

председателя палаты спикером (оратором). Известно ведь, что спикер никогда не говорит, ограничиваясь односложными замечаниями. Но такова уж сила традиций, не подлежащих никакому контролю.

ТИПИЧНАЯ ИСТОРИЯ БУРЖУАЗНОЙ КОНСТИТУЦИИ

В 1215 году, то есть 720 лет тому назад, духовные и светские лорды Англии, объединившись с городской буржуазной знатью, заставили короля Иоанна Безземельного издать «Великую хартию вольностей».

Буржуазные ученые называют эту хартию квинт-эссенцией подлинного демократизма. Но «демократизм» ее заключается только в том, что феодальная, духовная и городская знать получила писаное признание тех прав, которые она уже имела фактически. Это показал и созванный в 1295 году, при Эдуарде I, «Образцовый парламент», в котором восседали 89 епископов и аббатов, 111 светских феодалов и 172 представителя городской буржуазии.

В тяжелые годы внутренних неурядиц и потрясений, когда головы монархов и князей порой летали на плаху, английский парламент (точнее, его нижняя палата - палата общин) окреп, стал высшей властью страны. Городская буржуазия и земельная аристократия заставили Карла II Стюарта в 1679 году принять знаменитый «габеас корпус акт», устанавливающий неприкосновенность личности английского гражданина. Стюарты нарушили этот акт, и тогда парламент посадил на их место Вильгельма Оранского (1681), связав его «биллем о правах», который превращал короля в послушное орудие парламента, то есть земельной аристократии и городских денежных тузов.

Однако господство земельной аристократии не могло быть вечным.

Промышленная революция XVIII века превратила буржуазию в мощную общественную силу, и аристократии пришлось ей уступить первое место в парламенте. Закон 1832 года об уничтожении «гнилых местечек» (мелких избирательных округов, обеспечивавших господство земельной аристократии) зафиксировал это новое соотношение сил в парламенте.

Но и закон 1832 года остановил за пределами «демократии» 95% населения, не имевшего избирательных прав. Под нажимом масс британская буржуазия должна была шаг за шагом отменять эти ограничения, сначала допустив к выборам рабочую аристократию (1867), затем — сельскохозяйственных рабочих и городских рабочих — квартиронанимателей (1884), затем — остальных рабочих-мужчин и, наконец, женщин старше 21 года (1918 и 1928). Так Англия получила всеобщее избирательное право.

На практике от так называемого «всемогущества» нижней палаты сейчас осталась одна видимость.

Подлинной властью обладает не нижняя палата, а кабинет министров, являющийся уполномоченным монополистического капитала.

Так как министры — это обычно лидеры партии большинства, то они легко обеспечивают себе поддержку в парламенте. «На долю палаты, — как говорит английский правовед Лоу, — выпала обязанность регистрировать (указы) временного партийного большинства».

Для этого приспособлена вся парламентская система. $^9/_{10}$ всего времени парламентских заседаний затрачивается на обсуждение законопроектов, вносимых правительством.

Для собственной законодательной инициативы у депутатов просто нет времени. А если оно и найдется, всякая инициатива топится в бесчисленных комиссиях или во время тех обязательных «чтений».

Жизнь самого парламента зависит... от кабинета министров. В течение последнего столетия правительство редко уходило в отставку по воле парламента, зато парламент почти всегда, кроме редчайших исключений, «уходил в отставку» по воле правительства.

Если раньше Англия жила под властью парламента, то теперь, как говорит Лоу, она «живет под властью системы молчаливых соглашений». В годы войны, например, правительство действовало, опираясь на исключительные законы. Те же законы были пущены в ход, чтобы подавить забастовку горняков в 1926 году. Таким образом, английская конституция «моментально перестает действовать, как только пролетариат высказывает желание воспользоваться ее благами. К тому же несмотря на ликвидацию «гнилых местечек» промышленные округа и сейчас имеют меньшее представительство, чем округа земельной аристократии.

К чему приводит эта система, видно хотя бы из следующих цифр. В 1923 году консерваторы потеряли 37 тысяч голосов по сравнению с 1922 годом и в то же время 86 мест в палате. Либералы же получили 146 тысяч лишних голосов, а в палате только 42 новых мандата. Коммунисты в 1923 году получили 30 тысяч лишних голосов, но в палате потеряли и те 2 места, которые имели раньше. Лейбористы в 1924 году приобрели 1160 тысяч новых голосов, но в палате... потеряли 40 мандатов.

Что касается демократических свобод, предоставляемых конституцией английским гражданам, то они столь же формальны, декоративны, как и свободы, предоставляемые всякой другой буржуазной конституцией. Гражданам гарантирована свобода печати, но вся печать принадлежит капиталистическим трестам (Нортклифф, Ротермир, Биверброук), и единственная рабочая коммунистическая газета «Дэйли уоркер» живет на гроши, собираемые среди пролетариев и безработных.

Гарантирована свобода слова и собраний, но коммунистические митинги и демонстрации нередко разгоняются полицией.

ЛИЦЕМЕРИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Впрочем, в отношении лицемерия французская конституция пошла еще дальше английской.

Всеобщее избирательное право во Франции оказывается полнейшей фикцией. Права голоса лишены женщины, солдаты, моряки и все, кто прожил меньше 6 месяцев в последнем месте жительства.

Впротивовес английской системе, где верхняя палата (палата лордов) имеет некоторые права, но не главенствует, во Франции верхняя палата (сенат) может отвергнуть любой закон и даже распустить палату депутатов. Сенат формируется почти исключительно *из* представителей капитала: он избирается муниципальными советами, состоящими по преимуществу из жулачества и городской буржуазии. Не удивительно поэтому, что сенат тормозит проведение всех законов, направленных к улучшению положения масс.

Каких усилий стоило рабочему классу провести в сенат своего единственного представителя — Марселя Кашена — и то только после 60 лет существования буржуазной республики!

Это еще не все. За последние годы, по мере развития фашистских тенденций в рядах французской буржуазии, регламент палаты депутатов превратился в средство расправы над оппозицией. Права ораторов из году в год ограничивались. Депутатам предоставлялось слово — самое большее на 15 минут. Председатель палаты, права которого очень велики, мог по любому поводу прервать неугодного оратора или изменить порядок дня и закрыть заседание.

Декларация прав человека и гражданина эпохи великой французской революции (фронтиспис). Защита «святости и неприкосновенности» частной собственности составляла основу этой декларации.

Да и самые выборы в палату никак не отражают точного соотношения классовых сил в стране. Мало того, что буржуазия, имеющая в руках все средства агитации и печати, бешеной рекламой, демагогией, прямым подкупом и угрозами старается привлечь голосующих на свою сторону: система французских выборов такова, что пролетариат лишь с трудом может провести в палату своих представителей.

Франция разбита на мелкие избирательные округа, в которых рабочее население перемешано с отсталым, крестьянским. Голосуют два раза (два тура). Избранным считается тот кандидат, который получит либо абсолютное большинство в первом туре либо относительное — во втором. Когда есть риск, что относительное большинство во втором туре получит коммунист, все реакционные партии выставляют одного кандидата.

Лишь в этом году компартии удалось нанести удар этой капиталистической механике. Компартия призвала массы к созданию народного фронта, который во втором туре выставил в каждом округе только одного кандидата, и это обеспечило блестящую победу партиям народного фронта.

Раньше же, когда левые партии выступали раздельно, результаты получались совершенно иные. В 1932 году компартия получила на выборах миллион голосов, а социалисты — около двух миллионов. Но коммунисты провели в палату 10 депутатов, а социалисты — 100.

„НЕЗЫБЛЕМЫЕ СВОБОДЫ"

Особое место в буржуазной конституции Франции, как и во всех прочих буржуазных конституциях, занимают так называемые «незыблемые свободы»: слова, печати, союзов, собраний, стачек, вероисповедания, наконец, неприкосновенность личности и жилища. Все конституции гарантируют эти свободы. Некоторые (например японская) подчеркивают: «В рамках закона». А так как определение того, что законно и что незаконно, принадлежит правительству и полиции, то обычно незаконным оказывается все, что неугодно стоящей у власти клике.

Другие конституции формально не делают таких ограничений. В первоначальном тексте французской конституции (она состоит из 3 законов) права граждан были вообще... забыты. Много лет спустя их кое-как сформулировали. Граждане Франции имеют теперь все «свободы». Лицемерие этих прав везде, в частности во Франции, легко обнаруживается при столкновении с действительностью.

Свобода печати. Но за распространение коммунистической «Юманите» и «Авангарда» рабочих арестовывали, а капиталистические органы распространения и связи искусственно ограничивали распространение рабочих газет. В Японии тоже существует «свобода печати», но за попытку издания рабочих газет сотни пролетариев попали на каторгу.

Свобода слова и собраний. Но на протяжении многих лет всякие рабочие собрания, митинги и демонстрации были запрещены и разгонялись полицией.

Неприкосновенность личности. Но, в частности, Франция в эпоху Пуанкаре прославилась «превентивными (предупредительными) арестами»: наканине рабочих праздников тысячи пролетариев без всякого повода сажались в тюрьму для того, чтобы помешать демонстрации.

Ложность всех этих «свобод» подтверждается тем, что даже фашизм не отказывается от них окончательно. В Германии, например, до сих пор не отменена веймарская конституция, провозглашавшая все эти свободы. Но в той же веймарской конституции — самой демократической из всех буржуазных конституций — одна только 48-й параграф опрокидывает все ее великолепное здание. Этот параграф разрешает президенту при известных условиях («когда нарушено общественное спокойствие») отменить все «свободы» и проводить любые исключительные законы. Опираясь на этот параграф, Гитлер, не нарушая формально веймарской конституции, превратил германскую республику в самый черный, контрреволюционный застенок Европы.

СИЛА СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Что отличает нашу новую, сталинскую Конституцию от конституций буржуазных стран? Сжато нельзя даже сформулировать это различие. Все в этой Конституции победив-

шего социализма ново, свежо, смело, непохоже на старые, буржуазные законы.

В буржуазных конституциях власть парламента фиктивная, потому что совет министров может в любой момент распустить неугодный ему парламент. В нашей Конституции Совет народных комиссаров целиком ответственен перед Верховным Советом и Совет народных комиссаров не имеет полномочий для роспуска Верховного Совета.

Во всех буржуазных конституциях верховная исполнительная власть представлена единоличному главе страны — монарху или президенту. У нас эту власть представляет большой коллектив в 37 человек — Президиум Верховного Совета, который вправе распустить Верховный Совет только в случае непримиримого расхождения между двумя палатами — Совета Союза и Совета Национальностей.

Во всех буржуазных странах наряду с избранным народом парламентом существует верхняя палата, назначаемая или избираемая только из рядов господствующих классов. У нас наряду с Советом Союза существует Совет Национальностей, в котором представлены все национальности Советского союза.

Во всех буржуазных конституциях всеобщее избирательное право ограничено возрастом (обычно оно предоставляется с 21 или даже с 25 лет), оседлостью (определенным сроком пребывания в одной местности). Избирательного права лишены армия, иногда — студенты и государственные служащие (например в Японии), а нередко и женщины. У нас нет этих ограничений, а политические права граждане получают с 18 лет.

Во всех буржуазных странах существует активное и пассивное избирательное право, то есть право избирать и быть избранным. Пассивное право, то есть право быть избранным, повсюду сильно ограничено всякого рода «цензами»: оседлости, возраста и т. д. У нас нет этих ограничений. Всякий, кто избирает, может быть и сам избран в Совет депутатов трудящихся.

Во всех буржуазных странах конституции предоставляют все права только господствующей национальности. Остальные же национальности, и особенно колониальные народы, либо совсем лишены политических прав, либо пользуются ими с огромными ограничениями. У нас нет этих ограничений, и все национальности равны перед законом.

Во всех буржуазных конституциях так называемые «свободы» (печати, слова, собраний) представляют собой только бумажные обещания. В руках господствующих классов находятся все средства, обеспечивающие им монопольное пользование этими свободами (деньги, типографии, залы для собраний, клубы и т. п.). Только советская Конституция дает реальную возможность пользоваться свободами слова, печати, собраний всем трудящимся, а не ничтожному меньшинству населения.

Все буржуазные конституции представляют собой запутанные, написанные двусмысленным языком документы, изобилуют противоречиями, поправками и исключениями. Только советская Конституция написана ясным, отчетливым, доступным массам языком, она не имеет никаких поправок и исключений, ничего того, что оправдало бы старинную поговорку: «Закон — что дышло: куда повернешь, туда и вышло».

ПОЛНОПРАВНАЯ ЖИЗНЬ

Сталинская Конституция — самая свободная, самая демократическая Конституция в мире — открывает для всех слоев населения широчайшие перспективы творческого развития и совершенствования.

Все буржуазные конституции мира лишают молодежь всех прав, отстраняют ее от государственной и общественной жизни.

В мире есть сейчас только одна — сталинская Конституция, которая предоставляет молодежи все политические права.

Сам по себе молодой и цветущий, лишь недавно вступивший в пору своего конституционного совершеннолетия (18-летие), Советский союз доверяет молодежи любую отрасль государственной и общественной деятельности, зная, что молодежь всей своей жизнью, всеми своими чувствами и всеми лучшими своими помыслами служит великому делу Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — делу коммунизма.

Нечего и говорить, что ни одна конституция в мире не предоставляет молодежи никакого права на труд, на отдых и образование. Германский фашизм лишает молодежь права работать на предприятии до 25 лет и изгоняет из школ большую часть молодежи. Идеалом молодого человека, по мнению Гитлера, должно быть... собачье послушание. От собаки не требуется никаких интеллектуальных качеств, она должна лишь верно служить хозяину.

Сравните с этим те гигантские перспективы, которые открываются перед молодежью нашей страны благодаря победе социализма.

Начиная с 18 лет каждому гражданину СССР, без различия пола, расы, национальности, прошлого, предоставлено право избирать и быть избранным на все государственные и общественные должности.

Каждый юноша, каждая девушка Советского союза имеют право на труд, отдых и образование. Проблема страшного «завтра» не существует у нас.

Повсюду буржуазия отрекшается от тех знамен, под которыми она пришла к власти. С помощью всевозможных маневраций буржуазия превращает демократические конституции в клочок бумаги.

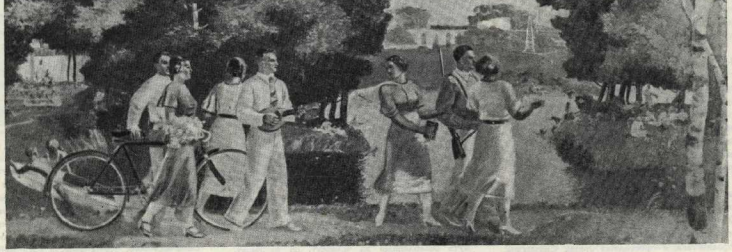
В странах фашизма (Германия, Италия и Польша) конституции давно уже сданы в архив, и там господствует ничем не ограниченная террористическая диктатура крупного капитала.

Вот почему повсюду в капиталистических странах пролетариат является сейчас единственным бордом за демократию, ту самую демократию, от которой старается избавиться буржуазия.

И вот почему фашисты встретили проект нашей Конституции бешеной руганью.

Наша новая советская, сталинская Конституция — величайший документ эпохи. Она отличается от всех конституций мира тем, что в ней права трудящихся ничем не ограничены.

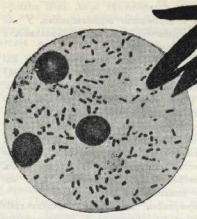
Наша Конституция неизмеримо выше всякой буржуазно-демократической конституции, потому что это Конституция социалистическая, Конституция, выработанная рабочим классом, строящим бесклассовое общество.



Загородная прогулка (панно работы молодых художников П. Мальцева, В. Одинцова и Г. Нисского).

Очерк
Ш. НЮРЕНБЕРГА

Побеждае



Бациллы чумы.

„ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ"

Пароход пришел с острова Явы. Ночью большая крыса соскользнула с опустевшей палубы на трос, привязывавший корабль к пристани. Металлический диск преградил ей путь. Крыса поскреблась о препятствие, обнюхала его и вернулась обратно... Металлические диски остались как воспоминание о «черной смерти», бушевавшей по всему миру в памятный человечеству 1348 год.

Болезнь тогда двигалась от города к городу, преодолевая моря, перекатываясь через границы. Она захватила Англию, Францию, Италию, Испанию. В одной Англии за год погибло 2 миллиона человек. Население в панике покидало города. Дороги, ведущие из Лондона, были забиты людскими потоками. Но смерть настигала бежавших. Начиналась лихорадка, потом в подмышечной ямке появлялась опухоль, и человек расставался с жизнью. Дороги покрывались вереницами трупов. Каждый путник, рано или поздно, занимал свое место в этой скорбной череде. Тяжелый запах гниения поднимался над дорогами, городами и поселками страны...

Пляска смерти (старинная гравюра 1493 года).

Только через много лет после эпидемии 1348 года ученые догадались, что чуму разносят крысы. Маленькие зверьки прятались в трюмах кораблей. Капитаны сквозь штормы и бури везли вестников смерти. Ночью в пустых, обезлюдевших портах крысы соскальзывали на берег. Ветер разносил чумные бациллы, вырвавшиеся из их легких. Болезнь начиналась, как пожар, и врачи не имели средства, чтобы залить это пылающее пламя.

Тогда среди других мер были придуманы металлические диски. Люди преградили крысам дорогу на берег. В Европе болезнь затихла. Она продолжала бушевать в Индии, Манчжурии, на Филиппинских островах, в предгорьях Афганистана, в просторных степях Синцзяна. Миллионы суслиров заменили здесь крыс.

В Афганистане селение, где появлялась чума, окружали молчаливые всадники. Никто не смел пройти сквозь кордон. Дула винтовок были направлены на селение.

Но ночью, скользнув мимо ног коней, маленькие зверьки проносили чуму через бдительную цепь. Суслики поднимались на пригорок, оглядывали степь и мчались дальше. Чума, как ветер, гуляла по большой стране. Чума приходила и брала свои жертвы, и каждый заболевший был осужден на смерть...

Луи Пастер уже давно открыл свой способ прививок против бешенства.

Джозеф Листер победил больничную гангрену. Раньше от сложного перелома бедра умирало 80—90 человек из 100. Теперь умирали 10 из 100.

Пауль Эрлих проделал 605 опытов, пытаясь расправиться с прозрачной бледной спирохетой, микробом сифилиса. 605 неудач постигло великого ученого. Но в 606 раз Эрлих победил.

Перед всемогуществом науки отступали самые лютые враги человека. Эдуард Дженнер из графства Глостершир предложил прививать людям коровью оспу. После такой прививки человек уже не мог заразиться оспой натуральной.

Врачи на чуме (гравюры 1720 года).

Сельский врач расправился с одной из самых страшных болезней.

Десятки ученых шли по пути Дженнера. Можно было думать, что в этом круге вопросов заключена и разгадка тайны чумы. Может быть, если убить чумную бациллу и впрыснуть ослабленный яд человеку, он не умрет, но приобретет иммунитет — силу, дающую организму возможность расправиться с настоящей чумой?

Это была логически верная идея. Только природа не всегда подчиняется логике. Мертвые чумные бактерии не всегда давали иммунитет. Какие-то особые силы имела бацилла чумы, страшная бацилла «pestis», носительница «черной смерти»...

АРМИЯ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ИДТИ В НАСТУПЛЕНИЕ

Ученые склонились над микроскопом. И тогда шаг за шагом стала выясняться тайна чумы.

Когда какие-либо бактерии проникают в человеческое тело, миллионы лейкоцитов — белых кровяных шариков — мчатся навстречу врагу. Они пробираются по узким ходам кровеносных сосудов, со всех сторон окружая незваных пришельцев. Они выпускают гибкие лапки — псевдоподии — и, захватив бактерию, убивают и переваривают ее. Так работают лейкоциты. Враг редко может прорваться через этот кордон. Но, странная вещь, достаточно ввести в кровь возбудителя чумы, и те самые лейкоциты, которые накидывались на другие бациллы, теперь в панике начинают отступать. Бацилла чумы вступает в кровеносные сосуды как полновластный хозяин. Ток крови разносит ее по телу. Лейкоциты поспешно освобождают ей дорогу. Вот в чем заключается страшная сила этой болезни. Не встречая препятствий, отряды бактерий растут и размножаются. Смерть теперь — только дело времени. Чума собирает силы для того, чтобы нанести последний удар. И она наносит его, когда наступает время.

...ли Чумы

Все это рассказал микроскоп. Невеселая тяжелая повесть. Одна из самых грустных повестей, какую когда-либо слышали ученые.

Но ученые не сложили оружия.

У французского врача Жерара случайно оказалась пробирка с ослабленными, выродившимися чумными бактериями. Жерар попробовал вызвать иммунитет в организме морских свинок. Он привил свинкам ослабленные живые бациллы чумы. Часть животных погибла, но

Доктор Магдалина Покровская.

остальные сделались невосприимчивыми к чуме. Нужно было делать дальнейшие эксперименты. Жерар решил перенести опыт на человека. Это был очень опасный эксперимент, и французский врач для первого испытания действия прививок выбрал прокаженных.

Но даже эти жестокие эксперименты не дали науке настоящего оружия в борьбе против чумы. Эпидемии показали, например, что при легочной чуме иммунитет не действует. «Черная смерть» продолжала собирать свой урожай. Она металась вблизи границ Советского союза, по степям Манчжурии, Синьцзяна, Афганистана.

И врачи-чумологи, охраняющие наши границы от сильного, смелого, везде проникающего врага, должны были быть начеку.

Они должны были быть начеку вдвойне и втройне, потому что теперь не только крысы и суслики, а гораздо более мощный союзник появился у «черной смерти»: за рубежами страны, в тихих лабораториях бактериологов, размножалась огромная армия чумных микробов. Цивилизованные варвары перечитывали книги и рассказы об эпидемиях, о действии чумы. Вот именно такой союзник нужен был фашистам. В статьях военных стратегов проскальзывали мысли о бактериологической войне. Отрывочные известия прорывались сквозь цензурные рогатки. Защищенные стенами лабораторий, ученые выводили

Доктор И. С. Эрлих.

все более ядовитые породы бактерий. Спокойно поблескивали стеклянные пробирки. Микроскопы, похожие на крошечные зенитные орудия, стояли на столах.

Прививка чумы морской свинке.

Квадриллионы чумных бактерий были заключены в аккуратных стеклянных камерах. И тут, в тишине лабораторий, люди открыто говорили о моменте, когда они откроют дорогу смерти.

— Все ли готово? — торопили этих нанятых ученых хозяева.

В лабораториях врага росли и размножались отряды бактерий, значит, надо было торопиться с подготовкой к обороне. И советские врачи почувствовали себя пограничниками. Они захотели быть достойными мужественных людей пограничных застав. Границы страны должны были стать так же недоступны для бактерий, как непроницаемы они для видимого врага. Этого требовала родина.

„РУЧНАЯ" ЧУМА

Когда советский врач Магдалина Петровна Покровская начала свою работу в противочумной станции г. Ворошиловска, она решила не доверяться случаю. Жерар нашел ослабленную культуру случайно. Каждую минуту он боялся, что эта неядовитая форма чумы, неизвестно как возникшая в его пробирке, перейдет в нормальное, ядовитое состояние.

Покровская хотела сама создать, вывести неядовитую, «ручную» породу чумы. Волк и собака произошли от общего предка. Но собака верно охраняет стада человека от своего далекого брата. Вот так же Покровская решила создать свою «ручную», неядовитую породу чумы, послушную воле экспериментатора.

Это была смелая идея, идея советского гражданина, верящего в силы человека.

Мичурин изменял растения. Дички, дававшие невкусные, горьковатые плоды, в его саду сгибались под тяжестью ароматного золотистого урожая.

Цыцин скрещивал дикий пырей со злаками, и получались новые сорта многолетней пшеницы.

Зоологи охотились в горах Туркмении за куланом — диким ослом, — чтобы создать новую породу сильных быстрых домашних животных.

Шла эпоха подлинной переделки природы. И мысли Покровской были проникнуты идеями этой начинавшейся великой войны с природой.

Но идею надо осуществить. Необходимо найти путь к выведению «ручной» породы чумы. Ученый должен уметь большие теоретические мысли превращать в железную реальность фактов. И, думая над своей идеей, Покровская вспомнила о враге, которого имеет возбудитель чумы. Он невидим даже под микроскопом.

БАКТЕРИОФАГ — ПОЖИРАТЕЛЬ БАКТЕРИЙ

И все-таки он существует, борется с чумой, побеждает, уничтожает неустрашимую бациллу «pestis». Речь идет о бактериофаге—пожирателе бактерий. Если заразить культуру чумной бациллы бактериофагом, большинство бактерий умирает. Те, что выходят из схватки, навсегда остаются уродами, непохожими на своих сородичей. Вот из этих-то уродов и можно отобрать неядовитую породу чумы — породу авирулентную, как говорят ученые, — словом, чуму, не имеющую жала.

Именно так пять лет назад врач Покровская вывела гладкую бациллу АМР, ту самую «ручную» чуму, за которой охотились многие десятки исследователей.

Лейкоциты (белые кровяные шарики), в панике отступающие перед настоящей чумой, смело набрасываются на культуры АМР. Быстро кончается горячая схватка. Уже через несколько часов самый внимательный исследователь не сумеет найти АМР в тканях человеческого тела. Отряд врага разгромлен, уничтожен. Даже огромная доза — 72 миллиарда живых бактерий АМР — не приводила к смерти морской свинки, очень чувствительной к чумной бацилле.

Расправившись с АМР, кровь приобретает иммунитет, то есть силы, нужные для того, чтобы победить настоящую чуму. В опытах на сусликах и морских свинках были получены хорошие результаты. Только одна свинка, в опытных целях подвергнутая особой, истощающей диэте, погибла при иммунизации.

Почти пять лет трудной, упорной работы заняли эксперименты. Пришло время последнего испытания. Ученые знают, что бацилла, безопасная, например, для курицы, в состоянии убить человека. Культура АМР могла заразить человека настоящей чумой.

Но могла она и создать иммунитет.

Шансы на удачу были велики. Но только опыт мог решить вопрос. А для опыта надо было рискнуть жизнью человека.

Колли и Стронг брали преступников, осужденных на казнь. Жерар испытывал свои прививки на прокаженных. Мы переделываем преступников и лечим больных проказой. Мы боремся за жизнь каждого человека нашей страны.

— Нужно повторить эксперименты на обезьянах, — решил Нархомат здравоохранения.

Но время не ждет. Люди в коричневых рубашках открыто говорят о войне. Они готовы совершить самые кровавые преступления, чтобы достичь своих целей.

Покровская считала, что она не имеет права ждать.

ДВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖИЗНИ

Покровская решила испытать действие прививок на себе. Ее друг и товарищ по научной работе — доктор Эрлих — тоже потребовал права участвовать в этом опыте. Покровская и Эрлих верили, что созданная ими культура АМР — не враг, а верный друг человека. Покровская и Эрлих рисковали своей жизнью тогда, когда она казалась им особенно радостной, чудесной, большой. Это было мужество пилота, ведущего воздушный корабль через незаселенные просторы над холодными, ледяным морем. Они верят в свою машину и в свои руки. Он любит яркую, счастливую жизнь. Но он знает, что смерть тоже угрожает ему.

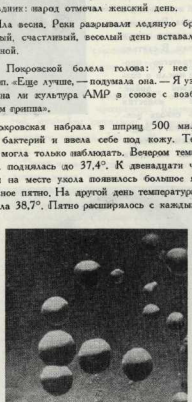
Это было мужество оптимизма, веры в жизнь, творческое, великое, советское мужество.

Опыт начался 8 марта. По всей стране шел праздник: народ отмечал женский день.

Шла весна. Реки разрывали ледяную броню. Новый, счастливый, веселый день вставал над страной.

У Покровской болела голова: у нее был грипп. «Еще лучше, — подумала она. — Я узнаю, опасна ли культура АМР в союзе с возбудителем гриппа».

Покровская набрала в шприц 500 миллионов бактерий и ввела себе под кожу. Теперь она могла только наблюдать. Вечером температура поднялась до 37,4°. К двенадцати часам ночи на месте укола появилось большое ярко-красное пятно. На другой день температура достигла 38,7°. Пятно расширялось с каждым часом. Шла борьба. Трудно было решить, как окончится это сражение.



Культура АМР под микроскопом.

К вечеру температура упала.

Покровская ощущала легкую боль и огромную радость. Хороший теплый, весенний ветер рвался в открытое окно.

17 марта Покровская сделала себе вторую прививку, а доктор Эрлих — первую. Этот опыт тоже окончился благополучно.

И когда в Москве Покровская рассказала о своей работе, она закончила доклад горячими взволнованными словами:

— Я хочу, чтобы вы поняли, что я не была самоубийцей. Честное слово, я не похожа на самоубийцу. Я очень сильно люблю жизнь. И, конечно, я не была убийцей. Я проделала опыт на себе и доктору Эрлиху потому, что верила в культуру АМР. Верила, что нашла надежное, хорошее оружие против чумы... И оно не обмануло меня, — добавила с улыбкой Покровская.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ, ТОВАРИЩИ!

Когда Покровская говорила, в комнату вбежал курьер и принес «молнию». В телеграмме были хорошие вести: опыты продолжались и давали новые значительные результаты. После Покровской выступил доктор Жуков. Он рассказал, что саратовские бактериологи вывели другую расу «ручной» чумной бактерии. И еще одна известная старая специалистка сообщила, что у нее давно уже разводится неядовитая форма чумы. Только она не подумала о практическом значении этого открытия.

— Что же, — сказали ей молодые товарищи. — Не поздно подумать и сейчас.

Наступление продолжается!

Будем точить, закалять, совершенствовать свое оружие против чумы, чтобы оно действовало точно и верно, как винтовка в руках снайпера.

Будем работать!

— И будем фантазировать, — добавила Покровская. — Нужно смелее искать новые пути. Я думаю, — сказала она, — бактериофаг поможет нам вывести не только «ручную» чуму. Почему не попробовать создать авирулентные формы возбудителей тифа и дизентерии? Я хочу попытаться переделать все это проклятое царство болезнетворных микробов... И когда мы победим в пробирке, можно будет начать широкое наступление на природу. Суслики разносят чуму по степям. Мы создадим фабрику бактериофага и будем распылять его с самолетов. Бактериофаг попадет в кровь миллионов грызунов. Чумная бацилла, которая через многие столетия пронесла свою мощь, начнет вырождаться. В теле суслика возникнет та же форма АМР, которую пять лет назад мы получили в пробирке.

Тогда настоящая чума вымрет, как вымерли мамонты, как исчезли чудовищные ящеры. И культура АМР будет напоминать о столетиях царствования чумы, как маленькая ящерица, быстро перебегающая дорогу, будит воспоминания о своих древних огромных родичах.

И если враг, сохранив чуму в пробирках за стенами лабораторий, попытается выпустить ее на поле сражения, мы найдем средство защиты. Бациллы должны будут пробираться через поля, заселенные бактериофагами. И бациллы погибнут.

Союзные армии «коричневой» и «черной смерти» должны будут отступить. Мы не отдадим им ни одной пяди нашей земли.

Вот о чем мечтает доктор Покровская.

Опыт, который она проделала 8 марта, только эпизод в ее увлекательном героическом труде. И врач Покровская торопилась домой, потому что надо было думать, творить, работать...

ТРЕВОГА

Рассказ ЕВГЕНИЯ РЯБЧИКОВА

Рисунок Д. КРАСИЛЬНИКОВА

Вместе с ключом от номера летчик Зверев получил запломбированный противогаз.

Почтительный портье, заметивший легкое недоумение на лице нового жильца, старательно раз'яснил ему правила гостиницы:

— Мы город приморский, пограничный, мы гостиница образцовая, и каждый жилец получает у нас все необходимое.

Размашистым шагом Зверев поднялся на второй этаж, сложил чемоданы и бросился на диван. После девяти суток утомительной поездки к берегам Тихого океана радостно было чувствовать твердь, лежать, не ощущая толчков и тряски курьерского поезда. Молодой капитан включил, открыл над умывальником краны с горячей и холодной водой, наполнил комнату плеском. Вытираясь, Зверев обратил внимание на об'явление, висевшее на стене. Жильцов извещали о правилах противохимической обороны, давали инструкции, как надо обращаться с противогазом.

«Вот Дальний Восток!.. Граница!..» — подумал капитан.

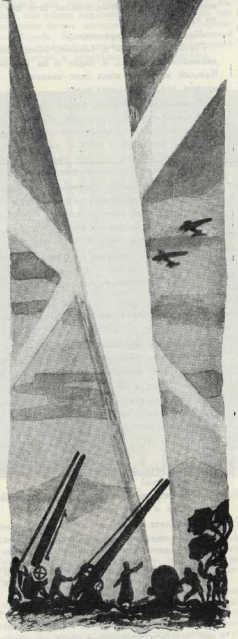
Зверев распахнул окно. На рейде, у бетонных причалов, стояли под чужеземными флагами тяжелые грузовые корабли. Голубую гладь бухты резали катера и каравеллы. Высокий пассажирский пароход — камчатский экспресс — уходил в море.

Главную улицу, лежавшую внизу, пересекали рельсы железной дороги. Они шли через весь город к порту. Под улицей, в бетонном канале, проходили поезда, обдавая пешеходов, трамваи и автомобили клубами пара и дыма. Было видно, как пассажирские и товарные составы то и дело влетали под виадуки и замирали у гранитных стен солидного, отделанного изразцами вокзала.

Зверев впервые был в этом прекрасном, трудолюбивом и шумном портовом городе.

Смутное представление о Дальнем Востоке, о тихоокеанском побережье, о джунглях и тиграх, сложившееся под влиянием некоторых книг, сейчас ломалось, таяло, становилось смешным, пожалуй, даже жалким. Огромный город, порт и противогазы в гостинице никак не вязались с экзотической тайгой и романтическими тиграми.

Довольный первым впечатлением от города, в котором предстояло жить и работать, знаменитый летчик-«высотник» спустился в сверкающую парикмахерскую. В безмолвии зеркального чертога, изредка нарушаемом шипением пульверизаторов, двигались халаты мастеров, кители моряков, гимнастерки летчиков и пиджаки загорелых людей, срезавших бороды, отращенные в море и на дальних промыслах. У каждого зеркала над пюпитрами, заставленными пахучими склянками, висели на крючках противогазы.



Голубые лучи уходили в небо и, казалось, достигали планет.

«Вот и пограничные будни», — заметил себе Зверев.

По пути в штаб он всюду наблюдал ту же картину: милиционеры и вагоновожатые, кондуктора, лотошники и киоскеры — все носили сбоку зеленые сумки противогазов.

В штабе капитан встретил товарищей, с которыми учился в авиационной школе на Каче. Высокий загорелый комбриг Петров, узнавший в Зверене давнишнего приятеля, крепко потряс ему руку. Закончив дела, Петров потащил Зверева в машину и повез через весь город в рыжие весенние сопки.

— Нет, ты посмотри нашу часть — это тебе не Москва! — повторял комбриг.

На перевале летчики вышли из автомобиля.

Петров, размахивая рукой, показывал Зверену красивый город, далекие острова. В море, ослепленном солнцем, чернели корабли. В жарком ветренном небе гудели едва видимые самолеты.

— Вот наш мир — это берег Тихого океана...

— Тут не легко летать, — заметил Зверев,—кругом сопки, скалы, море...

— Да, сначала очень тяжело было, — сказал Петров. — Сколько машин сломали!.. Три — четыре года назад берега эти были пустынные, незащищенные. Теперь — другое дело: наш город стал железобетонным орешком, о который сломает зубы всякий, кто попробует его куснуть.

Машина вкатилась на аэродром, скрытый в сопках. Не заходя в аэропорт, Зверев направился к самолетам. На бетонных площадках в полной боевой готовности стояли аэропланы.

Голубые, ясные глаза комбрига сверкали от удовольствия. Он рад был показать знатному товарищу боевой пограничный аэродром, познакомить его с летчиками, штурманами и снайперами.

— Здесь всюду была тайга, — говорил комбриг, обводя рукой линию горизонта.

Петров показывал места, где происходили вынужденные посадки, аварии, рассказывал о настойчивости и смелости летчиков, научившихся в совершенстве летать над тайгой и морем, о воздушных снайперах, разбивающих без промахов мишени.

— Обратите внимание на эти машины, — сказал комбриг.

У красной черты стояло несколько истребителей с работающими на малом газу моторами. Летчики, привязавшись ремнями, сидели в кабинах, готовые по сигналу вонзиться в небо.

— Это наш первый эшелон истребителей. Как видите, мы держим машины с работающими моторами, — об'яснял комбриг. — Сейчас время тревожное, инциденты на границе стали часты — приходится все время быть начеку.

За первым эшелоном истребителей, способных в течение нескольких десятков секунд подняться в небо и грудью встретить врага далеко за пределами города, на аэродроме стояли самолеты второй очереди: груженые бомбами и готовые к стрельбе пулеметами, они только ждали запуска моторов.

Вечером, ужиная в ресторане аэропорта, Зверев слушал рассказы комбрига и летчиков. Перед ним все выше подымалась завеса над героической историей дальневосточных авиочастей, историей, полной большевистского натиска, мужества, трагических неудач и ликующих побед.

Стояла уже ночь, когда капитан Зверев в сопровождении комбрига вышел на аэродром.

Над сопками летела звездная тихоокеанская ночь.

В свете прожектора вырисовывались массивные тела самолетов.

Боевая, напряженная жизнь не утихла с наступлением темноты. Где-то высоко в небе плыл бомбардировщик. К сонму звезд присоединились сигнальные огни воздушного корабля. Невидимый, слившийся с небом, самолет трубил над сопками могучую авиационную песнь...

Комбриг с наслаждением вдыхал свежий ночной воздух. Закинув голову и широко расставив ноги, он стоял на бетонированной площадке, весь поглощенный наблюдением за кораблем. Зверев поддался очарованию ночи и тоже стоял полузабывшись...

Неожиданно над аэродромом пронесся резкий звук сирены. Комбриг, подтянутый, спокойный, спешил в штаб части. Навстречу ему летел нарочный:

— Товарищ комбриг, на ваше имя приказ!

Первый эшелон истребителей, получив по телефону задание, немедленно поднялся в воздух.

Летчики, механики, штурманы, воздушные стрелки мчались к машинам, вооружали самолеты, запускали моторы.

Из казарм бежали парашютисты: строясь около машин, они осматривали друг друга, заканчивали крепление оружия.

Вдали, на сопках, поднялись огненные мечи прожекторов; они понаслись в небо, распилили голубой свод на квадраты, треугольники и круги.

— Тебе в штаб, в город, — сказал комбриг Звереву, вбежавшему в комнату.

Шофер надел противогаз, натянул резиновые перчатки. Поднявшись на каменный хребет перевала, Зверев увидел сверкающую чешую моря, подчеркнутую мрачной темнотой сопок.

— Стой!

Перед машиной встали красноармейцы с искрящимися штыками, в противогазах. За их спинами, в стороне от дороги, гудели прожектора. Голубые лучи уходили в небо и, казалось, достигали планет. Здесь все сияло, шипело и дрожало от работающих электрических станций. Как будто солнце сбросило часть своего тела в этот уголок сопок и уничтожило темноту.

Выше, на сопках, вырисовывались черные уши звукоуловителей.

Зверев сообщил пароль и пред'явил документы.

Штыки опустились. Дежурный сигнальными флажками показал путь к городу.

Капитан заметил, что над сопками и около берега поднялись грузные тела аэростатов. Летчик точчас определил назначение воздушных шаров: они несли металлические сети для ловли чужих самолетов.

«Кажется, дело серьезное...»

Глаза, привыкшие к темноте, обнаруживали движение на сопках, в падях и на перевалах. Каждый километр имел свое назначение, свое оружие для истребления врага.

В гигантских бетонных чашах беспшумно двигались длинные стволы орудий. Нажатие кнопки — и раздвигались металлические люки и черные дула упирались в небо. У исполинских пушек, возле которых человек казался пигмеем, встала на вахту большевистская бдительность.

В городе стояла мрак. Одновременно были погашены огни в домах и на рейде. Радиорупоры, установленные на крышах зданий, предупредили население о внезапном вторжении врага. По улицам двигались патрули в противогазах.

За городом грохнули орудия. Началась пальба. Радио сообщило о прорыве части неприятельских самолетов, приближавшихся к городу.

Диктор передавал инструкции и распоряжения, успокаивал, бодрил население.

В сверкании прожекторов в разных местах показались неприятельские самолеты, настигаемые красными истребителями.

Сопки дрожали от залпов. Пальба началась с бронированных палуб кораблей. С протяжным воем промчались пожарные автомобили и кареты «скорой помощи».

Зверев сбежал по каменной лестнице в штаб, размещенный под землей.

— Товарищ начальник штаба, капитан Зверев прибыл в ваше распоряжение.

Из-за пульта управления поднялся начальник штаба. Он поздоровался со Зверевым, пригласил его сесть.

— Ну, что вы видели?.. Каково ваше впечатление? — спросил начальник и протянул гостю свежий листок бюллетеня:

«Сигнал учебной тревоги дан был в 12 часов 03 минуты. Сообщение городу о воздушном налете и выключение света произведены немедленно. В квартирах Ким-Ивана, Зуева и Подзевича обнаружены керосиновые лампы, каждый из них оштрафован. Жанты 191, 203 и 65 неудовлетворительно подготовились к противозимической обороне.

Под'ем истребителей и скоростных бомбардировщиков произведен на «отлично». Бомбометание неприятельской территории и высадка десанта оценены «отлично».

Зверев подошел к начальнику штаба и горячо пожал ему руку.

— А я думал, война, — сказал летчик. — Со злости чуть не кусал руки: приехал поздно, не знаю места... Уж я бы крепко повоевал!..

ЗАСТАВА

Стихи ГЛЕБА ПАГИРЕВА

Я приеду осенью из роты.
Ты в окошко на меня взгляни,
выйди за тесовые ворота,
подожди у ясеня
в тени.

Через заросли стальной осоки,
папиросу меж зубов зажав,
я приду,
неловкий и высокий,
через волосом
и моложав.

Расстелю шинель,
и на пригорке
посидим.
Рассказам нет числа.
Пахнет молудем,
осиной горькой.
Где-то здесь смородина росла.

Вот река
и берега крутые.
Словно дробь,
ударили в листву
ягоды тяжелые,
литые.
Я тебе смородины нарву!

Ночь рассыплет золотые слитки
звезд,
затянет песню мошкара.
Я с тобой расстанусь у калитки,
у забора твоего двора.

И увижу:
тучу разрывая,
молния ударила в стога.
Значит, вышла в ночь
передовая,
пограничная застава
на врага.

Дождь.
Окопов черные овраги.
Гром.
Штыка косое острие.
То выходит,
верное присяге
третье отделение мое.

Пулеметы,
полуроты связи —
резкий ветер с десяти сторон —
на рысях идет от коновязи,
чуть взлетая в седлах,
эскадрон.

Тьма.
Но режут небо до рассвета
«люксов» голубые лезвия.
Мы — в заставе,
Сеня, Елизавета,
девочка
любимая моя!

Я пройду по улицам колхоза.
Лягу спать:
винтовка под рукой!
Ночь идет своим порядком;
звезды,
как ракеты, рвутся
над рекой...

МАТЬ

В почетном карауле у праха Максима Горького стоял П. А. Заломов. В прошлом — рабочий, один из руководителей сормовской партийной организации — Заломов был изображен Горьким в романе «Мать» под именем Павла Власова, а его мать, работавшая в организации, разновзнная литературу, вдохновила гениального писателя на создание одного из бессмертных образов русской литературы, образа Пелагеи Ниловны, матери.

Чехов, задыхавшийся в духоте русской жизни, не мог указать выхода из тупика. Младший современник Горького, Леонид Андреев сеял своими книгами мрачный пессимизм.

Максим Горький так писал в одной из статей о писателях: «Они хотят примирить мучителя и мученика, они хотят оправдать себя за близость с мучителями, за бесстрастие свое к страданиям мира... Большая часть их служит василию прямо, мень ная — косвенно — проповедью терпения, примирения, поощрения, оправдания... Это — преступная работа».

Горький же был тесно связан с жизнью, с борьбой. Он активно помогал партии большевиков и агитационными выступлениями и материально. Свой роман «Мать» он написал в 1906 году в Америке, куда был направлен партией для сбора денег в помощь революции.

Роман «Мать» — правдивое воспроизведение процесса революции. Он как бы художественно иллюстрирует те вопросы, которые Ленин осветил в своей работе «Что делать?» Он изображает «...стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорию революционной молодежи, которая рвалась к рабочим». (Ленин «Что делать?», т. IV, стр. 385).

Взрывчатую силу романа сейчас же заметила цензура. Сначала она изуродовала роман, потом на сборники «Знание», в которых роман печатался, был наложен арест. Против Горького было возбуждено судебное преследование за распространение сочинения, «возбуждающее к совершению тяжких преступных деяний, вражде рабочих к имущим классам населения, подстрекающего к бунту и совершению бунтовщических деяний, а также к ходунству». В полном виде роман появился только после революции.

Ленин оценил роман с присущей ему гениальной проницательностью. Владимир Ильич прочел его еще в рукописи. Горький так вспоминает свою беседу о романе с Лениным на лондонском с'езде партии, в мае 1907 года:

«Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел об'яснить, почему торопился, — Ленин, утвердительно кивнув головой, сам об'яснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих, участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя. «Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня комплимент. Затем он деловито осведомился, переводится ли «Мать» на иностранные языки, насколько испортила книгу русская и американская цензура, а узнав, что автора решено привлечь к суду, сначала — помолчал, а затем, вскинув голову, закрыл глаза, засмеялся каким-то необыкновенным смехом...»

... Ленинский смех был пророческим. Старая Россия уже была осуждена. И роман «Мать» был судом над ней...

Своим неумирающим значением роман обязан не только прекрасному воспроизведению революцией борьбы и роста революционного сознания масс.

Во всей русской литературе, да, пожалуй, и в мировой нет столь значительного образа матери, как образ, созданный Горьким. Такой тип женщины могла породить только революционная борьба. Именно поэтому тип горьковской матери является и провозвестником идеального типа матери в социалистическом обществе.

Свидание с сыном (кадр из фильма В. Пудовкина «Мать»)

До Горького литература обычно изображала мать как участницу извечного, постоянного столкновения «отцов и детей». В горьковской «Матери» нет ни следа антагонизма двух поколений.

Мать Горького живет не ущербной любовью к сыну, выращиваемой только слепым инстинктом, а любовью сознательной. Она проникается любовью к делу, к подвигу жизни своего сына, и, наконец, посвящает себя этому делу так безраздельно, что являет в нем полное воплощение материнской любви и преданности. Радость общественного служения уже нельзя отделить от естественных чувств матери.

С замечательной силой и проникновенностью психологического анализа Горький показывает рост этой скромной женщины, ее превращение в деятельную участницу революции, в подлинную мать, мать не только своего сына, но и всего угнетенного класса. Не даром почти на всем протяжении романа Горький именует ее не по имени и отчеству, а матерью.

Для такого величественного образа Горький избрал тип рядовой, скромной, измученной жизнью женщины. Такой мы и видим Пелагею Ниловну в начале романа. Мужа Ниловны загубила фабрика, он спился и умер. Ее сын Павел, едва не пошел дорогой отца. Нежно и заботливо она сумела это предотвратить. Но все же между сыном и матерью не было близости, каждый жил своей жизнью.

Но вот Павел постепенно втягивается в революционную работу. Он признается ей в этом, не скрывая и грозящей опасности. Гордость и страх за любимого сына охватывают ее. Но любовь заставляет превозмочь страх. Она становится сообщницей сына, по крайней мере, тем, что не мешает ему. При ней происходит конспиративные собрания товарищей Павла.

Приходит первое испытание — обыск. Товарищей Павла арестовывают. Павел расстроен тем, что он не разделил участи товарищей. И она, пуще всего страшившаяся за его судьбу, утешает его:

— Погоди, — возьмут и тебя!

Она почувствовала его боль и утешила. Павел подтвердил:

«Возьмут!»

И тогда ей стало грустно:

— Эхий ты, Паша, суровый! Хоть бы ты погладил-ка меня! А то — я скажу страшно, а ты еще страшнее.

Вот и вся коллизия. Это все еще покорная мать, как была она покорной женой, но здесь зарождается новое — та самоотверженность, с которой позже отдавалась она революционной работе.

Ее радость сближения с сыном начинается с ответственного поручения — нужно передать тайную записку в город. И когда сейчас же после этого фабрика поднимается и Павел обращается с речью к взволнованным рабочим, она уже не может быть посторонней зрительницей. Пробиваясь к сыну сквозь толпу, стоя рядом, следя за ним, она испытывает приливы незнакомой гордости. Вторично явились жандармы, но ей уже не было страшно. Даже, когда сына арестовали, она не унизилась до слез и просьб, а только сжала его руку:

— До свидания, Паша. Все взяли, что надо?

Только, когда его увели, «она села на лавку и, закрыв глаза, тихо замычала». Она уже понимала сына, понимала, за что он борется, понимала, что он принадлежит не одной ей...

Арест сына теснее связал ее с революционным делом. Она уже не просто заботливая мать, одряхлюдая сына. Она становится активной. Она разносит листовки, поддерживает связь с товарищами Павла, учится грамоте. Так сын «родил» мать.

Были критики, утверждавшие, что деятельность Ниловны всецело определяется любовью к сыну. Это неверно. Она и сына любит еще больше потому, что он посвятил себя делу, которое она поняла, в которое поверила. Она еще не вполне понимает себя.

— Не чистая она, наша бабья любовь! — говорит она Андрею, товарищу Павла. — Любим мы то, что нам надо. А вот, смотрю я на вас, — о матери вы тоскуете, — зачем она вам? И все другие люди за народ страдают, в тюрьмы идут и в Сибирь, умирают... Девушки молодые ходят ночью, одни, по грязи, по снегу, в дождь, — идут семь верст из города к нам. Кто их гонит, это толкает? Любят они! Вот они — чисто любят! Веруют! Веруют, Андрюша! А я — не умею так! Я люблю свое, близкое!

Но она сама еще полюбила эксплоатируемых этой чистой любовью, и прав Андрей, отвечая ей: «Вы можете!» Да, она может. Она уже сама годится участием в революционной борьбе и на свиданиях с сыном не пользуют ни прежнего страха, ни покорности. Все товарищи Павла, открывшие ей причину несчастья лю-

дей, стали ей близки, дороги. И вместе с тем она чувствует, что сама нужна многим.

И Павел почувствовал иную любовь к матери. Вернувшись из тюрьмы, он поблагодарил ее: «Спасибо, мама!» «Христос с тобой! За что?..» Павел ответил словами, в которых ключ ко всему образу матери:

«За то, что помогаешь великому нашему делу, спасибо!.. Когда человек может назвать мать своею по духу родной — это редкое счастье!»

Павел имел право назвать свою мать родной по духу. Мать не поставила свою любовь к сыну выше его дела, а сама отдалась этому делу и перенесла свою любовь на многих. Она и сама рисковала, работая подпольно, и тверда, уже без страха, смотрела в глаза опасности, ежеминутно грозившей сыну. Она готова была бы увидеть его даже жертвой, если бы это понадобилось.

Правда, иногда ее еще охватывает беспокойство за участь сына. Павел об'являет ей, что будет участвовать в первомайской демонстрации. Он ласково пытается об'яснить ей, что это нужно. И, вместе с тем, он упрекает ее: «Когда будут матери, которые и за смерть пошлют своих детей с радостью?» Трогательно звучит ее ответ: «Разве я говорю что-нибудь?.. Я тебе не мешаю. А если жалко мне тебя, — это уж материнское...»

Мать все больше и больше понимает величие и важность дела, за которое борется Павел. И чем больше она понимает его, тем глубже становятся близость матери и сына, тем меньше ее опасения...

«Если бы ты почувствовала всю эту мерзость и позорную гниль, — ты поняла бы нашу правду, увидала бы, как она велика и светла!» — говорила ей Павел о жизни, против которой он боролся. «Подожди, Паша, — подожди! — задыхаясь пробормотала она. — Я почувствую, — подожди!..»

И мать вместе с сыном выходит на первомайскую демонстрацию. В ней нет тревоги ни за себя, ни за сына. «Надо хоть перед смертью рядом с правдой погулять!» — говорит она.

Демонстрация закончилась нападением солдат, арестом руководителей. Арестованы были и Павел и Андрей. «До свидания, мама! До свидания, родная...» — крикнул ей Павел. И мать старалась увидеть обоих, и обоим она ответила: «Родные мои... Андрюша!.. Паша!..»

Разве не новая любовь завладела ею? Разве исключительно любовь к сыну вылилась в этом возгласе?

И как тонко оттеняет Горький новый характер любви матери, заставляя ее сначала произнести имя Андрюши, а потом Павла. Сын уже перестал быть для нее единственной, исключительной фигурой. Мать, думая о нем, думает и о людях одной с ним судьбы. Еще раз подчеркивает это Горький в ее печальном и простом размышлении: «А Паша сидит... И Андрюша...» Рассказывая с гордостью о сыне, о его работе, она прибавляет, собирая все, что видела светлого и чистого, в один огонь, ослепивший ее своим чистым горением... — Уж их много родилось, таких людей, все больше рождается, и все они, до конца своего, будут стоять за свободу для людей, за правду...»

И как спокойно, хотя и вздыхая, выслушивает она, что Павел не хочет скрыться от суда, потому что суд он решил превратить в демонстрацию: «Ну что же? Он знает, как лучше...» — а потом уже говорит: «Ничего! Пусть судят!»

Ее чистую любовь, ее веру и преданность революции чувствуют и другие. Сын восхищается ее «хорошим сердцем», товарищ его Николай делится с ней своей тайной печалью.

Перед судом опять чувство страха охватывает ее. Но на суде, который она представляла себе иначе, на котором она увидела не «тяжбу правды сына с правдой судей его», а безразличные и бессмысленные вопросы о немногих известных фактах, страх покинул ее. Она испытывала теперь только удивление и любовь к обвиняемым, молодым, уверенным в себе, сильным.

Ее страх был вызван не личной тревогой за судьбу сына, а ожиданием, что здесь выяснится, на чьей стороне правда, — вот отчего ей было страшно.

Приговор — «на поселение» она встретила спокойно: «Я ведь — знала».

«Мать молча кивала головой сыну и всем. Хотелось заплакать, но было совестно...»

Волевая сторона ее натуры настолько окрепла, что она уже могла сдержать «материнское».

Богатство и глубина образа матери — в постепенной ее психологической эволюции.

Через любовь к сыну приходит она к сознанию неудовлетворенности, от неудовлетворенности к протесту, от протеста к развитию классового сознания и борьбе, формирующей ее волю.

Последняя сцена романа — настоящий апофеоз матери-революционерки. Ее схватывают жандармы в то время, как она раздает листовки. Она взывает к толпе, возвещая ей правду, с которой «никто не может спорить», «Не бойтесь ничего! Нет муки, горше той, которой вы всю жизнь дышите...» Ее бьют, она сопротивляется, кричит, что они «не зальют кровью разума», «моряки крови не утаят правды...» Жандарм схватил ее за горло и стал душить. «Она хрипела... Кто-то ответил ей громким рыданьем».

Волнение, нежность, любовь вызывает в читателе трогательный образ матери, простой рабочей женщины, самоотверженно пошедшей в революцию, увидевшей в ней глубокую и светлую правду.

Мать-революционерка, разрушившая тесный семейный очаг во имя общего блага, ставшая сыну близкой по духу, — это прежде всего настоящая мать.

То, что она пришла в революцию через любовь к сыну, лишь возвеличивает ее материнскую любовь.

В наши дни, когда так вырастает роль матери, когда укрепление семьи тесно связано с вопросами воспитания, образ Ниловны приобретает особенное значение. Роман Горького читают и перечитывают миллионы людей, и в особенности те, на ком лежит забота о воспитании нового поколения...

А. КИПРЕНСКИЙ

Не забудется этот человек

(РЕЧЬ ПО РАДИО АННЫ КИРИЛЛОВНЫ ЗАЛОМОВОЙ)

Мне очень хотелось поехать в Москву на похороны Алексея Максимовича.

Посмотрела бы на него, хоть на мертвого, поцеловала бы его в последний раз, помогла бы нести урну до Красной площади. Да вот стара стала: слабею, недомогаю.

Видела его я в первый раз, помню, еще ребенком лет пяти. Привела его тогда к нам его мать — Варвара — как раз после смерти отца Алеши — Максима. Привела и говорит мне: «Вот привела своего сиротинушку. Остался после мужа».

А в последний раз вспомнил обо мне Алексей Максимович незадолго до своей смерти. Прислал мне подарок, наказывал долго жить.

Я многим обязана ему, особенно за сына Петра. Помогал он ему всегда, всегда живнью

А. К. Заломова, мать большевика П. Заломова, послужившая Горькому прообразом героини романа «Мать».

его интересовался, здоровьем. Как-то встретились они, Петр и говорит Алексею Максимовичу: «Если случится что, я за вас грудью встану». А Алексей Максимович отвечает: «А я за тебя». Так вот всегда крепко стоял он за рабочего человека.

Прекрасное у него было сердце. Я хоть и слаба стала на глаза, но часто читаю его книги. Читаю и думаю: «Нет, никогда не забудется этот человек!»

Прощай, дорогой мой! Прощай, Алексей Максимович! Прощай, сынок!

(Последние слова Анна Кирилловна произносит сквозь слезы. Потом, преодолев минутную слабость, она твердым голосом произносит у микрофона: «А память о нем никогда не умрет!»).

Рисунки худ. Лиса

ЭГОИСТЫ

Очерк ЕЛЕНЫ КОНОНЕНКО

— Не правда ли, у меня уютно?

В первый год своей совместной жизни Роман и Надя отказались от мысли о ребенке, потому что им хотелось быть как можно больше вместе.

— Поймите,— жарко говорила Роман,— ребенок сейчас разрушит все наши планы. Мы с Надькой собираемся зимой побегать по театрам, по каткам. Я хочу Надьку познакомить со своими товарищами по Институту. К нам будут приходить друзья... А летом мы поедем на Кавказ.

Старушка Полина Ивановна, мать Романа, которая частенько заглядывала к сыну, покорно вздохнула: «она давно мечтала о внуке. «Ну да, впрочем, может быть, он и прав, Роман-то, пускай первый годок молодые погуляют».

Прошло два года.

Мы встретили мать Романа на бульваре. Была весна. Орали воробьи. Лужи были синие. Полина Ивановна сидела на скамеечке с кошелкой в руках. Возле нее играл крошечный мальчик в синем колпачке.

— Полина Ивановна! Поздравляем вас с внуком! — закричали мы.

Старушка печально улыбнулась.

Нет, это не внук. Это просто мальчик женщины, которая сидит на соседней скамейке. Такой разговорчивый карапуз. Говорит ей «бабка» и предлагает отведать пирожок из глины. Она шла в кооператив, села погреться на солнышке и разболтались с этим мальцом...

Полина Ивановна вздохнула. Мы поняли, что задела больную струнку старой женщины, и нам стало неловко. Но Полина Ивановна заговорила сама:

— Разве дождешься от них внука?! Позапрошлый год они говорили, что слишком тесна комната. В прошлом году Роман получил квартиру из двух комнат в новом доме. Но ребенка и в помине нет. Эх, да что тут говорить! Не хотят они, и делу конец. Глаза бы мои не глядели на их жизнь. Какая это жизнь без ребенка? Один срам...

— Да они, верно, заняты очень, Полина Ивановна,— успокаивали мы старушку.

— Заняты. Я ведь это ничего не говорю. Роман работает хорошо и премию получает. Надюшка иностранные курсы кончила. Да кто не занят, матушка моя?! Что ты мне зря говоришь-то! Что ты за них заступаешься-то!

Старушка рассердилась и в сердцах опрокинула даже кошелку с хлебом.

— Нет, я так попросту скажу: баловство одно! Стеснять себя нежелательно им. Друг для дружки только и живут. Привыкли, матушка, к сладенькому... Тут, глядишь, на ребенка пришлось бы тратиться, а ей, Надежде-то, еще одно платье надо...

Старушка горько усмехнулась:

— Да я и его не хвалю. И сын хорош! Два сапога пара. Придя, придя к ним в выходной день-то. Оба на диванчике с книжками дрыхнут, поди им плохо!

Мы утешали, как могли, расстроенную старушку, Роман и Надежда все же очень заняты... У Романа, помимо его инженерской работы, много общественной. Надя тоже работает. И они еще молоды. Ребенок, конечно, еще будет...

А этой зимой в магазине «Гастроном», на улице Горького, мы встретили Романа. Высокий, крепкий, в кожаном пальто с меховым воротником, он стоял у витрины «новогодних подарков для детей», которая блистала шоколадными бомбами, разнаряженными мишками, пряниками. Он вертел в руках прелестную кошку в розовом шелковом платье и в соломенной шляпке.

— Сколько лет, сколько зим! — вскричал Роман.

— Да, давненько не видались... Ну, кажется, у вас большие перемены,— подмигнули мы в сторону игрушки.— Сын или дочь?

— О, нет! — расхохотался Роман.— Это я своей деточке...

И мы увидели в толпе покупателей Надю, которая приближалась к нам, кокетливо улыбаясь.

— Это мне! Всем папы и мамы сегодня покупают игрушки, и я сказала Роману, что он тоже должен купить мне чего-нибудь..

Она выхватила из рук Романа кошку.

— Ах, какая чудная киска,— щебетала Надежда.— Роман, а тебе мы купим бомбу. Праздновать, так праздновать!

Все это, конечно, было очень мило, и, балгуря, мы вместе вышли из магазина нагруженные новогодними покупками.

— А мы думали, что у вас прибавление семейства...

— Это счастье не для нас! — театрально воскликнул Роман.— Мы ведь честное слово, чертовски занятые. Жизнь такая напряженная, так много надо сделать...

Мы молчали. В душе стало досадно: Роман так рассуждает, словно он один только вместе со своей Надей и строит коммунизм, работает в полную силу, а все остальные заняты только собственным благополучием. Скажите, пожалуйста, какие самоотверженные люди! Прямо герои! Он пожертвовал отцовством, она — материнством ради общественных благ...

Мы распрощались на углу. Надя сунула записку с номером телефона.

— Вы должны непременно придти! Непременно,— болтала она скороговоркой,— вспомним детские годы. Горелки, дядю Ильяриошку вспомните, бы такой мороженщик? Мы живем в новом доме... У нас ванна! У вас есть ванна? Приходите к нам купаться...

— Поболтаем о комсомольских делах. Я ведь еще не отошел от комсомола,— добродушно гудел Роман.— Рассажу много любопытного. Предварительно созвонимся, а то, знаешь, всякие дела. Кстати, у нас есть такие пластиночки (он зажмурил один глаз), из одного Вертинского концерт можно устроить!

Попрощавшись, парочка бодро зашагала вперед.

В комнате пахло мастикой, одеколоном. Надежда соскочила с тахты, сладко потягиваясь. Щурила заспанные глаза.

— Здравствуйте! А я вздремнула.. Сколько времени? Неходяй Роман позвонил, что придет поздно: у него совещание... Тоска смертная его ждать. Как хорошо, что вы пришли. А у нас новость! У нас немецкая овчарка. Чудный пес! «Дай Джим, на счастье лапу мне...»— болтала она обычной скороговоркой.

— ... Только он сейчас на дворе. Гуляет с сыном соседки. Вы не видали? Породистый такой, красавец! Но у него заболели уши. В выходной мы с Романом повезем его к врачу...

Надежда поправила прическу, запахнула пестрый халатик и стала с увлечением показывать нам свое жилище.

— Этот книжный шкаф мы приобрели случайно. Говорят, настоящий дуб! Шкаф для платья прямо в стене. Очень удобно. Вот ЭЧС— это премированы Романа... Прекрасный динамик! Нравятся ли вам обои? Мина они бесподобят. Мне хочется ярко синие. Это сейчас мод-

— Это я своей деточке!

но. На будущий год мы непременно сделаем синие.

Надя продолжала показывать вещи. Ее лицо раскраснелось, оживилось. Глаза светились довольством, видно было, что она чрезвычайно увлечена всеми этими своими житейскими удобствами и что они занимают очень большое место в ее жизни. От вещей молодая женщина перешла к своему гардеробу. Она торопливо доставала из шкафа одно за другим темные и цветные платья, гладила бархат, шуршала шелком; ее пальцы жадно перебирали кружева, а зрачки расширились и в выражении глаз заметно было даже некоторое возбуждение. Она рассказывала историю каждого платья и каждого куска материи: вот это крепдешиновое сшили в Ателье мод, это суконное (заграничное!) купили в комиссионном магазине, а крепжоржетовое шила портниха. Прекрасная портниха! Только очень долго шьет, мучает примерками. На примерки зеленого костюма ушло четырнадцать часов.

Мы слушали болтовню Нади, с любопытством разглядывая ее оживленное лицо. «Да,— думалось нам,— пожалуй, старушка Полина Ивановна

Посмотрите, какой красивый зверь

(Окончание на стр. 24)

ЭГОИСТЫ

(Окончание

была права: просто стеснять себя не хотят; боятся нарушить тот ход жизни, который установился у них несколько лет назад... Детская кроватка может испортить элегантный вид картины... Беременность на девять месяцев испортит фигуру Надежды. Нельзя будет надеть новый костюм... Нельзя будет Роману некоторое время показывать свою жену во всем блеске своим друзьям...»

Но все же, какая пустота в этой народной квартирке. Какая здесь, по совести говоря, скука. Неужели Надежда никогда серьезно не задумывалась о том, как обворовывает их личную жизнь эта, сочиненная ею и Романом теория «занятости», теорийка, по существу, совершенно фальшивая, насквозь пропитанная мелким эгоизмом.

И сколько их, таких паточек! Каждый из нас знает множество им подобных. Страх за свое благополучие, за свои житейские удобства они прикрывают загруженностью, громкими фразами о том, что им, к сожалению, нельзя иметь ребенка, потому что ребенок отнимет у них время, нужное для участия в общественной жизни.

А все-таки попробуем заговорить с Надеждой о ребенке. Все же кажется странным ее хладнокровный отказ от материнства. Ведь ей неведомы самые большие радости женщины! И вообще, по совести говоря, нам кажется, что женщина многого не понимает, если она не мать. Ведь рожденный женщиной ребенок раскрывает перед ней целые миры!

Может быть, Надежда притворяется? Может быть, втайне она глубоко страдает...

Все это мы высказали вслух.

Надежда молчала, играя кончиком красной туфли с пушистым котенком.

— ...И потом, не кажется ли вам, Надежда, что совместная жизнь двух людей же как-то осмысленнее, если есть ребенок?

— Зачем говорить о том, что пока невозможно! — недовольно воскликнула Надежда. Она вскочила с тахты. Заговорила о другом: нравится ли нам «Ромео и Джульетта» в театре Революции?..

Она подошла к зеркалу и движением сытой красивой самки погладила ткань халата на бедрах...

Дверь приоткрылась, и соседский подросток впустил овчарку. Великолепный пес, высокий и статный, одним прыжком очутился возле Надежды и положил лапы на ее плечи.

— Ральф! Тубо! — смеясь закричала Надя.— Какие нежности!.. Посмотрите, какой красный зверь! Какие умные глазищи... И он так подходит к Роману. Когда Ромка шагает с Ральфом по улице,— все оборачиваются...

Надежда бросила Ральфу мячик...

ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИГАХ

ЛЕГЕНДА ОБ УЛЕНШПИГЕЛЕ

Издание „Молодой гвардии"

...Рыбачьи суда, полные вооруженных людей, направляются вслед нидерландским «гезам». (Иллюстрация худ. Л. П. Зусмана).

Это книга о народном герое Нидерландов (теперешней Бельгии и Голландии), участнике освободительной борьбы нидерландского народа против испанского владычества.

Действие происходит в конце XVI века, во время Нидерландской революции. В результате этой революции часть Нидерландов (Бельгия) сбросила иго испанского короля и стала самостоятельным государством — первым буржуазным государством в Европе.

Тиль Уленшпигель — не историческое лицо: он герой старинных народных сказок, веселый бродяга, неутомимый проказник. Автор «Легенды об Уленшпигеле» Шарль де Костер, бельгийский писатель середины XIX века, сохранил за Тилем те черты, которыми наделяло героя народное творчество.

Уленшпигель в его романе так же, как и в сказках, бродит по стране в поисках заработка, смеется и издевается над попами и дворянами. Но этот же Уленшпигель — борец за народную свободу. Он призывает в пламенных песнях к восстанию и сам выступает с оружием в руках. Он хранит на груди пепел своего отца Клааса, сожженного испанской инквизицией, и каждый раз, когда до Тиля доходит весть о новых жестокостях подлых угнетателей и об их победах над восставшим народом, он говорит: «Пепел Клааса стучит в мое сердце!» И Тиль с новой простью бросается в борьбу.

Эпизоды революционной борьбы перемежаются замечательными картинами народного быта. Надо знать, что нидерландские города постоянно служили местом ярмарок, праздников, народных увеселений.

Толпы крестьян, ремесленников, купцов, одетых в пестрые костюмы, заполняют улицы городов и дороги страны. Со всех сторон слышны песни, шутки, потешные рассказы. Из среды этой праздничной толпы проходят мрачные тени судей и инквизиторов. В дома трудолюбивых ремесленников врываются испанские наемники. Народное веселье прерывается зрелищами казней. Наместник испанского короля, «кровавый герцог» Альба, доводит цветущие города до разорения. Тогда беспечные и добродушные фламандцы берутся за оружие, становятся героями и совершают подвиги.

Когда испанские войска наводнили страну, руководители восстания сели на корабли и начали осаждать испанские гарнизоны с моря. Одним из таких морских «гезов» стал Уленшпигель («гезы», т. е. босяки,— презрительная кличка, данная испанцами нидерландским повстанцам, которую последние приняли как почетное прозвище). Описанием приключений Уленшпигеля на море и провозглашением независимости Голландии заканчивается книга де Костера — одно из лучших произведений мировой литературы.

С. КАРАМОЛЕНКО

...Так они и скали верхом — нога справа, нога слева... (Иллюстрация худ. Л. П. Зусмана).

К кроссворду

РЕШЕНИЯ

КРОССВОРД № 3

ГОРИЗОНТАЛЬНО

Engine. Abroud. Every. Fruit. France. Often. Taste. Cruiser. Through. Re. Steam Birthday. Fee. Yankee. Frog. Ston. Famous. It. Trial. Overal(l). Treat. No. Am. Duty. Pure. Trade.

ВЕРТИКАЛЬНО

Effect. Fast. Sent. Step. Graduate. Or. Tear. Necessary. Frame. Eve. Await. Try. An. Ma. At. Area. Knoll. By. Strike Other. Sound. Offer. To. Art. Friend. Due. Under. Trout. In. At. They. Guilty.

КРОССВОРД № 4

ГОРИЗОНТАЛЬНО

Erfolg. Wahrheit. Holen. Irgend(wo). Ja. Die Liebe. Gut. Ernte. Nennen. Knabe. Es. Armee. Dann. Not. So. Un. Sah. Meer. Waise. An. Rechnung. Er. Ski. Beinahe. Atmen. Sichel. Eid. Lärm. Zur.

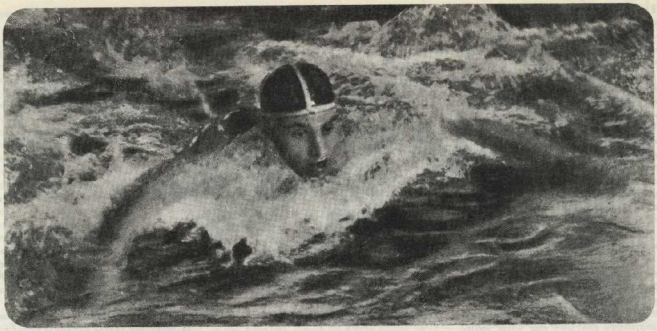
ВЕРТИКАЛЬНО

Erhalten. Rubel. Sorge. Fallen. Ihr. Bei. Schön. Landen. Nachwuchs. Sieger. An. Ein. Unmässig. Angst. Ruhe. Kessel. Rennen. Salz. Rad. Markt. Er. Anbauen. Immer. Tenne. Ei. Träne. Rand.

КТО РЕШИЛ?

Кроссворды № 1 и 2 решили также тт. М. С. Разумовская, З. Арсеньева, Дм. Смирнов, А. Воловиков, Азвердов, Л. Готлиб, П. Фролов, Рубенчик.

Кроссворды № 3 и № 4 решили тт. В. Лепятская, А. Гольдман, К. Стрешинская, А. Антонюк, В. Якимов, Е. При, К. Морохова.



Стиль «баттерфлей» (мировой рекордсмен Семен Бойченко).

От «саженок» до «баттерфлея»

Статья заслуженного мастера спорта ПЛАТОНА ИППОЛИТОВА

Одиннадцатилетний Джонни Вейсмюллер меньше всего предполагал стать знаменитым пловцом, когда доктор нашел, что болезненному мальчику нужна физкультура. Врач прописал Джонни в качестве лечебного средства... плавание. Мальчик ходил на реку Плейнс в Чикаго. Он плавал, как и все, «по-собачьи».

Зимой Джонни посещал бассейн. Чтобы разнообразить прописанный лечебный моцион, он стал, плавая, подражать стилю самых быстрых пловцов, которых видел в бассейне. Копировал движения чемпионов он мастерски и этой особенностью обратил на себя внимание инструкторов плавания. Его начали тренировать, но ничего путного не получалось из худощавого, высокого подростка, видом своим напоминавшего угря. Однако как раз пловца с такой фигурой искал Вильям Багрэз, тренер олимпийской команды Соединенных штатов. У Багрэза засела в голове мысль привить молодому пловцу лучшие качества мировых чемпионов скоростного плавания.

Для первого раза Багрэз предложил своему ученику проплыть 100 ярдов (91 метр).

— Я пытался проплыть с максимальной скоростью в пять раз большую дистанцию, чем та, к которой я привык, — рассказывает Вейсмюллер про свой дебют. — Мой стиль был ужасен. Я прыгнул в воду и поплыл с высоко поднятой головой. К концу 25 ярдов я совершенно выдохся. Так я получил урок, что в скоростном плавании стиль — это все. С тех пор я всегда, строго соблюдая стиль, больше следил за своими движениями чем за противниками. Скорость в плавании приходила всегда, когда я соблюдал точные стилистические указания своего тренера.

Так говорит выдающийся мировой рекордсмен, первым проплывший 100 метров «кролем» меньше чем в 60 секунд.

Плавание — один из самых «технических» видов спорта. Здесь буквально техника решает все. Как же развивался стиль современных пловцов?

Трудно предположить, чтобы первобытный человек не умел плавать. Вероятнее всего, люди доисторической эпохи так же хорошо плавали, как и лазали по деревьям.

Первым «инструктором плавания» для человека была лягушка. Ее скачкообразным движениям в воде стали подражать. Так постепенно вырабатывался общеизвестный стиль плавания на груди «а-ля-брасс».

В 1875 году капитан Вэбб, 28 лет, впервые переплыл Ламанш, пролив между берегами Франции и Англии, затратив на проплыв 63 километров из Дувра в Кале 22 часа 44 минуты 55,8 секунды. Плыл он «брассом».

В стиле «брасс» все движения спокойны и ясно очерчены. Пловец лежит на груди, ноги сомкнуты и вытянуты, руки вытянуты вперед. Из этого «исходного положения» руки одновременно гребут в стороны до линии плеч, затем руки идут к подбородку, а ноги принимают положение, как у человека, присевшего на корточки с сомкнутыми пятками и широко разведенными коленками. На счете «три» руки, оставаясь сомкнутыми, выбрасываются в воде

Стиль «кроль» (заслуженный мастер спорта Александр Шумин).

вперед, а ноги разбрасываются в стороны и резко смыкаются.

После рекорда Вэбба все были уверены, что для сверхдальних проплывов никакой другой стиль, кроме «брасса», не годится, а меньше всего — «кроль». Но вот в 1926 году американка Гертруда Эдерле, первая из женщин, переплывает Ламаншу «кролем» и показывает замечательное время — 14 часов 31 минуту.

Самый молодой стиль спортивного плавания — «кроль» — получил визу в европейские бассейны не больше 30 лет назад, а всеобщее признание — лишь после олимпиады 1912 года в Стокгольме.

При плавании «кролем» количество тормозящих движений сводится к минимуму. Пловец лежит на груди. Лицо до уровня бровей погружено в воду, руки делают поочередно гребки, а вытянутые ноги — два удара на каждый гребок.

Техника плавания быстро прогрессирует.

Новый рекордсмен вносит «поправки» к стилю, улучшает технику. Новую, более современную технику копируют молодые пловцы, и движения спортсменов получают еще более «обтекаемую» форму. Хронология рекордных достижений растет.

Так например Вейсмюллер взял все лучшее у своих предшественников: у Норманна Росса — уменье расслаблять мышцы и брать старт, у Гаори Гребнера — искусство поворота, у Дука Каханамоку, мирового чемпиона, — спринтерское мастерство и на этой базе построил свой стиль.

Что доказал Вейсмюллер? Голову нужно держать в воде опущенной до уровня бровей. При выносе руки вперед допускать только незначительный «вал» корпуса: это уменьшает сопротивляемость воды. Вдыхать в течение одной пятой отрезка времени, нужного для рабочего движения руки к бедру, а выдыхать все остальное время. Пловец должен научиться не только координировать движения, но уметь отдыхать, расслаблять мышцы на доли секунды. Эти основы вейсмюллеровской техники углубили его последователи.

Вот таблица роста мировых рекордов на 100 метров в стиле «кроль»:

Мин.	Сек.			
1.05,8	Золтан	Венгрия	1905
1.02,8	Даниельс	Америка	1910
1.02,4	Бреттлинг	Германия	1912
1.01,6	Д. Каханамокy	Америка	1912
1.01,4	»	»	1918
1.00,4	»	»	1920
58,6	Д. Вейсмюллер	Америка	1922
57,4	»	»	1924
56,8	П. Фик	Америка	1934
56,4	»	»	1936

Техника стиля «треджен» очень сходна с движениями в «кроле». Работа рук совершенно одинакова, но ноги во время заноса руки делают в воде «ножницы». Во время удара другой руки ноги остаются неподвижными или же делают два—три удара как в «кроле». «Треджен» — стиль более спокойный и медленный чем «кроль», но более быстрый чем «брасс», «бок» и «спина».

Между прочим, стиль «треджен» заимствован у искателей жемчуга с побережья Южной Америки. Люди, для которых пребывание в воде является трудной изнурительной профессией (искатели жемчуга, рабочие по очистке подводной части судов от прилипших ракушек и слизняков), владеют высокой техникой плавания.

Казалось бы, что с «брассом» покончено. Этот самый разработанный стиль должен уступить место более совершенным — «кролю» и «треджену».

Еще в 1810 году немецкий генерал, основатель первых военных школ плавания в Праге, дал описание стиля «брасс». Строго блюдя законы столетней техники, брассисты делали взмахи руками в воде. Это сильно снижало скорость.

И вот в «брассе» наступает революция. Когда рекорды в «кроле» стремительно пошли вверх, благодаря пронесу рук по воздуху, американцы решили видоизменить «брасс». Они применили в «брассе» холостой ход рук по воздуху. Появилась новая разновидность «брасса» — «баттерфлей» (летающая бабочка). Американец Хиггинс установил техникой бабочки в «брассе» мировой рекорд, проплыв 100 метров на груди в 1 минуту 10,8 секунды, и побил феноменальный рекорд француза Картоне — 1 минута 12,4 секунды, результат которого считался техническим пределом в «брассе».

Тут в спор мировых рекордсменов вступили два комсомольца: красноармеец Семен Бойченко и сталинградец Леонид Мешков. Быстро усвоив новую технику, они по очереди три раза били рекорд Хиггинса. Бойченко в первый раз (в декабре 1935 года) проплыл 100 метров на груди в 1 минуту 08 секунды. Мешков 19 марта этого года в подарок X с'езду ленинского комсомола дал новый мировой рекорд — 1 минуту 07,4 секунды. Ровно через месяц Бойченко финишировал в 1 минуту 06,2 секунды. «Парадной» тезнике немецкого генерала пришел конец

Техника «баттерфлей» увеличила рабочее движение рук в воде с четверти окружности до полукруга. Это вызвало нападки сторонников «классического брасса». Пока идет спор: можно ли, плывя «брассом», так выбрасывать руки из воды (в официальных международных правилах точной формулировки на этот счет нет), специалисты уже работают над тем, можно ли в «брассе» изменить также и работу ног...

За помощью обратились к технике «кроля». Сделали «гибридизацию» ножных движений двух стилей и получили новый стиль, названный за сходство движений человеческих ног с зигзагообразной работой рыбьего хвоста «дельфином».

Так непрерывно совершенствуется техника плавания. Борьба за мировые рекорды — это борьба за новые, более совершенные стили. Непрерывно во всех странах идет исследовательская работа лучших тренеров.

Особенно широко поставлена работа с пловцами в двух странах: Японии и США.

На лосанжелесской олимпиаде 1932 года японцы разгромили американскую команду пловцов, не знавших до этого не только поражения, но и просто конкуренции. Последний матч между Японией и США произошел в Японии прошлым летом, и снова победа досталась японским пловцам, несмотря на то что в команде Америки были два преемника Вейсмюллера: Петер Фик и Медика,— которым принадлежат мировые рекорды в плавании «кролем».

В Японии даже дети проходят несколько раз в неделю испытание на дистанцию 1500 метров.

Тренировка на выносливость повышает скорость. Так например Лили Андерсен отмечает, что под ее наблюдением шведка Улла Эриксон за несколько недель улучшила время на 100 метров с 1 минуты 22 секунд до 1 минуты 15,8 секунды.

Для «отработки» стиля тренеры заставляют пловца изучать движение руками и ногами отдельно. Пловцам связывают ноги, когда нужно работать одними руками, дают в руки доски, когда следует плыть с помощью одних ног. Некоторые пловцы достигают виртуозности в работе отдельными конечностями. Американец Лауфер укитряется плыть одними ногами 50 метров в 34 секунды. «Тренировочной доской» — наиболее простым приспособлением для холостого хода рук—пользуются сейчас во всех бассейнах и школах плавания. Отделка стиля требует сейчас высокого мастерства и от тренера и от пловца.

Наши чемпионы: Бойченко, Соколова, Борисов, Шумин, Алешина, Мешков, Голубев — замечательные пловцы международного экстракласса. Советские «вейсмюллера» ждут своего старта. Но нам нужно еще многому поучиться у американских и японских пловцов, чтобы, непрестанно улучшая учебную работу, воспитывая в каждом мастере культуру тренинга, анализируя все тонкости стиля, завоевать и в этой области первое место в мире.

Стиль «брасс» (одна из чемпионок в этом стиле, Антонина Колоскова)

Рисунки К. Дмитриева

Предусмотрительный Утюгов

Фельетон
ЛЕОНИДА ЛЕНЧА

Целых три дня молодой человек Сенечка Утюгов ходил задумчивым, рассеянным и непривычно серьезным. В его маленькой черепной коробке происходила неведомая миру гигантская работа мысли.

На четвертые сутки этот сложный трудовой процесс окончился, и Сенечка Утюгов принял твердое решение.

После обеда он остановил свою жену Зину, принявшуюся за мытье посуды, и сказал, важно наморщив лобик:

— Давай обсудим с посудой, Зина. Скажи мне, Зина, что ты думаешь по поводу предстоящего декрета об отмене абортов и прочем таком?..

— Что думаю? Много разного думаю. Декрет правильный. Давно пора взяться за нашего брата. Нечего по пять раз жениться до по десять разводиться!

— У меня нет братьев, Зина, а на свой счет я не могу принять твой намек: как тебе известно, я женат не пять раз, а всего лишь **третий**.

— Вот, вот!

— Оставим это, Зина. Скажи мне, Зина, какой пункт декрета тебя больше всего волнует?

Зина Утюгова подняла к потолку синие доверчивые глаза и сказала задумчиво:

— Все меня волнует. Весь декрет целиком!

— Напрасно, Зина,— наставительно заметил Сенечка.—Никогда не нужно разбрасываться. Что касается меня, то я волнуюсь исключительно в связи с одним только определенным пунктом.

— Скажи же это, интересно?

— В связи с тем, в котором говорится о повышении цен на разводы. По-моему, это зря и вообще неправильно. Кругом на все цены снижаются, продукты дешевеют: яйца, там, творог, сметана,— а разводы в то же время с трещинки прыжок сразу до трехсот рублей.

— Так, так,— растерянно сказала Зина, роняя тарелку на пол.— Узнаем конец ветчины! Будьте добрым, товарищ Утюгов, об'ясните подробнее, что вы хотите этим сказать?!

— Изволь, Зина, об'ясню. Только давай не будем волноваться.

Сенечка Утюгов прошелся по комнате и начал:

— Все эти три дня, Зина, я размышлял над уже упомянутым мною пунктом предстоящего декрета и над нашими с тобой отношениями. Пока мы живем неплохо. Я доволен тобой, Зина.

Сенечка сделал паузу и продолжал, обращаясь к фикусам, стоящим на окошке:

— Но, товарищи, есть ли гарантия, что и в будущем я буду доволен? Нет, товарищи, такой гарантии у меня нет. Дальше. Есть ли, товарищи, гарантия, что моя или, пускай, тебя в будущем не потянет к другой девушке или к другому парню? Нет, товарищи, такой гарантии у нас тоже нет. Какой же вывод нужно сделать отсюда, товарищи, учитывая упомянутый выше пункт декрета? Вывод напрашивается только один: мы, Зина, должны с тобой развестись, так сказать, загодя, впрок, пока цена на разводы стоит старая.

— Постой, постой, что значит «развестись впрок»? Развод — все-таки не огурец: это только огурцы заготовляют впрок.

— Мне жаль, что ты плохо соображаешь, Зина. Могу пояснить. Завтра я иду и разводжусь с тобой. Получаю соответствующую справку и тихо, спокойненько прячу ее в бумажник. Живем мы с тобой попрежнему вместе. Но если вдруг, в будущем, нам понадобится разойтись, я — хлоп! — достаю тихо, спокойненько из своего бумажника трехрублевую справочку и — готово! Нужно быть бережливым, Зина. Ты поняла меня теперь?

Сенечка Утюгов частенько захаживал в ваис.

Зина Утюгова посмотрела в бутылочного цвета глаза супруга долгим, оценивающим взглядом, тяжело вздохнула и сказала:

— Хлоп, говоришь, и готово? Тихо-спокойненько? Кажется, я тебя поняла, Сенечка. Даже очень хорошо поняла. Ладно, я согласна. Ступай в ваис. Кстати, тебе завтра в магазин только к одиннадцати, так что ты успеешь.

На следующий день утром Сенечка Утюгов сидел перед столом регистраторши в районном загсе и, солидно покашливая, тихо врал:

— Мы, собственно, давно уже вместе не живем. Она, собственно, даже, кажется, уж замуж вышла. Да вот, собственно, ее собственноручная записка с согласием на развод... Цена пока старая? Что-о-о? Вы с ума сошли! Я не читаю газет? Да, сегодня еще не читал. Как? Декрет уже опубликован? Что же вы мне раньше не сказали?!.

К себе в магазин на работу Утюгов явился расстроенным. Весь день с лица его не сходило унылое выражение.

Успокоился он лишь вечером и по дороге домой, купив на тридцать копеек доклых фиалок, думал о Зине почти сентиментально:

«В конце концов, баба она неплохая. Зачем мне с ней, собственно говоря, разводиться? Поживу пока, а там видно будет... Жаб меня, подл, сейчас. Волнуется! Хорошо, что я на фиалки разорился. Она вчера на меня немножко обиделась».

Поднявшись на третий этаж, Утюгов открыл английским ключом дверь коммунальной квартиры. В коридоре его встретила соседка. Она не без ехидства усмехнулась, заметив у Сенечки в кулаке фиалки.

Зины дома не было. Комната почему-то показалась Сенечке неприятно пустой и тихой. На обеденном столе спротаиво белел конвертик. Сенечка распечатал его. Это было письмо от Зины:

«Семен!

Вчера я убедилась, что ты мелкий, ничтожный человек, пошляк и мразь! Мне сейчас стыдно и противно думать, как я могла любить тебя. Раскаиваюсь в своей ошибке. Спасибо новому декрету, он мне открыл глаза на тебя. Пока буду жить у мамы. Из вещей взяла только свои тряпки, можешь не беспокоиться. Не старайся меня вернуть: это бесполезно. Развод впрок не признаю. Зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Прощай.

Зина».

Сенечка Утюгов читал зинину записку долго, потом перечитал еще раз. Уши его горели. Вдруг он бросил на пол свой бухгтик и лихорадочно быстро стал выдвигать один за другим ящики комода, проверил шкаф, даже зачем-то заглянул под кровать. Все было в полном порядке и сохранности. Тогда Сенечка Утюгов сел на диванчик и задумался. Ноздя мыслительная работа закипела в его небольшой черепной коробке. Когда этот сложный трудовой процесс окончился, Сенечка подошел к телефону и назвал номер:

— Это вы, Нелли? — сказал он в трубку бодро. — Говорит Семен Утюгов. Нелли, у меня вечерочек свободный, я сегодня с женой разошелся. Почему разошелся? Так, знаете,— мещанка. Который раз расхожусь? А зачем вам это знать? «И полно, что за счеты...»,— как сказал дедушка Крылов. Не желаете ли поехать в Соколинки? Потанцуем, ситра попьем. Не жалаете?. Алло, алло! Нелли! Повесила трубку! С-с-транно!.. Очень странно!..

Его встретила соседка, усмехавшаяся не без ехидства...

Календарь «Смены»

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

1 июля 1858 года считается началом переворота в современном естествознании. В этот день в Лондоне, на заседании Линнеевского общества, двое владеющихся ученых, Чарльз Лайелль и Джозеф Гукер, выступили в защиту теории Дарвина.

Год спустя вышла в свет знаменитая работа Чарльза Дарвина

Чарльз Дарвин.

«Происхождение видов путем естественного отбора или сохранения избранных пород в борьбе за жизнь», над которой Дарвин работал около 20 лет.

Дарвин доказывал, что мир животных и растений не всегда был таким, каким мы видим его в настоящее время.

Органический мир непрерывно изменялся, поднимаясь на все более высокие ступени развития. На основе борьбы за существование и естественного отбора повышалась целесообразность строения того или иного животного организма, одни виды давали начало другим, новые виды вытесняли старые и т. д.

На одна книга не вызвала такого переворота во взглядах человека на происхождение жизни, как книга Дарвина.

В речи на могиле Маркса Энгельс указывал, что Маркс открыл закон развития человеческого общества, так же как Дарвин открыл закон развития органической природы.

Дарвинизм исключает всякую мистику в об'яснении живленных явлений. Вот почему это учение подвергалось жесточайшим нападкам со стороны буржуазных ученых и церковников.

В СССР предпринято новое научное издание работ Дарвина. Недавно вышел том I его сочинений, который содержит первую большую работу Дарвина «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». В печати находится том II — зоологические и геологические результаты путешествий и работа о дождевых червях.

В этом же году выйдет том III, содержащий «Происхождение видов», страницы из «Записной книжки» Дарвина (1837 год), протоколы знаменитого Линнеевского общества и другие материалы.

ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ

Во второй половине XVI века, при царе Иване Грозном, начался захват и покорение Сибири. Московское государство расширяло свои территории за счет чужих земель и обкладывало ясаком — данью — сибирские народы.

С первых же дней завоевания Сибири туда начали переселяться казаки. Постепенно, пядь за пядью, завоевывали они сибирские земли, строили укрепления и теснили местных жителей к востоку. Тех, кто оставался, превращали в рабов и обкладывали данью.

В 1696 году казак Владимир Атласов получил наказ от якутского воеводы — отправиться с вооруженным отрядом на «разведывание землицы». 13 июля 1697 года, после почти годового труднейшего пути, Атласов прибыл в Камчатку.

Население Камчатки: коряки, чукчи, камчадалы, — неизвестные огнестрельным оружием, были быстро покорены пришельцами. Атласов с казаками «камчадалов громили и набольших людей побили и посады ис выжгли», как сообщается в донесении сибирским воевод.

Собрав богатую дань соболями, лисицами и бобрами, Атласов отправился в Москву.

Свыше 200 лет хозяйничало самодержавие на Камчатке. Грабежи, разорение, убийства, эпидемические болезни, занесенные колонизаторами, привели к обнищанию и вымиранию некогда многочисленных аборигенов[1] страны.

В 1922 году на Камчатке были окончательно ликвидированы белые банды, для Камчатки наступила Октябрь. Начинается неуклонный рост и расцвет Камчатского края.

Камчатка обладает неисчерпаемыми богатствами: здесь огромные запасы рыбы, морского зверя (китов, моржей, тюленей), пушнины (котиков, соболей, песцов, чернобурых лисиц), а также золота, угля, торфа, нефти.

Сейчас это край передовой рыбопромышленности. Никогда не знавшая производства, Камчатка насчитывает теперь свыше 17 консервных заводов, не считая плавучих. Камчатка — основной поставщик соболя в СССР.

На Камчатке появились школы, больницы, амбулатории, ветеринарные пункты, библиотеки. В поселках горит электричество, говорит радио.

Ранее забитые камчадалы, коряки, чукчи, ламуты активно участвуют наравне с другими многочисленными народами СССР в великой стройке коммунистического общества.

[1] Аборигены — коренные жители.

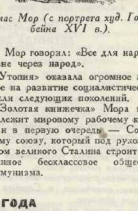
Томас Мор

7 июля 1535 года в Тоуэре (лондонская тюрьма) был казнен первый коммунист-утопист Томас Мор.

Последние годы своей жизни Мор был министром английского короля Генриха VIII. За несочувствие реформации[1] он был приговорен к ужаснейшей казни, заменяемой королем виде «милости» отсечением головы.

400 лет назад Мор написал замечательную книгу о сказочной стране, где царит коммунизм. Книга эта называлась «Утопия» или «Золотая книжечка о лучшем устройстве государства и новом острове Утопии». В диалоге с мором Рафаилом Гитлодеем Мор рассказывает о том, как управляется эта страна и как в ней живут люди. В «Утопии» все равны, но все обязаны трудиться. Только трудящихся достойны быть членами человеческого общества.

Но Мор не верил в борьбу народных масс. Он боялся этой борьбы. Мор говорил: «Все для народа, но не через народ».



Томас Мор (с портрета худ. Голбейна XVI в.).

«Утопия» оказала огромное влияние на развитие социалистической мысли следующих поколений.

«Золотая книжечка» Мора принадлежит мировому рабочему классу и в первую очередь — Советскому союзу, который под руководством великого Сталина строит подлинное бесклассовое общество коммунизма.

[1] Реформация — социально-политическое движение XVI века, которое было облечено в форму религиозной борьбы против католической церкви. По существу это была борьба нового буржуазного класса со старым феодальным обществом.

14 ИЮЛЯ 1789 ГОДА

„Народ двинулся по улице Сен-Антуан к входу в крепость. Предатель-комендант приказал развернуть знамя мира. Толпа доверчиво придвинулась к крепости, но тотчас же артиллерийский залп свалил множество людей... Ярость толпы дошла до крайних пределов: народ приступил к правильной осаде. Толпа не обращала внимания ни на опасность, ни на смерть. Женщины оказывали посильную помощь, даже дети после выстрелов из крепости бросались поднимать пули и картечь...

Обстрел продолжался. Ядра, падавшие с грохотом на подъемный мост, уже разбили одну из подпирающих его цепей; осажденные заметили, что мост хотят спустить, и отчаявшись в своем спасении, спустили малый подъемный мост... Граждане бросаются к крепости и требуют открыть последнюю дверь. Осажденные хотят войти, но осажденные все еще защищаются. Толпа убивает всякого мешает войти в крепость, овладевают лестницей, берут пленников, проникают всюду. Одни завладывают сторожевые посты, другие влезают на башни. При рукоплесканиях и криках восторга громадной толпы они поднимают священное знамя родины».

Так описывала взятие Бастилии газета «Парижские революции» № 1 за 1789 год.

Это была первая победа молодой буржуазии, которая вела за собой народные массы на беспощадную борьбу с монархией и средневековьем.

Старый порядок во Франции разлагался. Недовольство ширилось и захватывало все новые слои населения.

Старая власть тормозила капиталистическое развитие страны и не допускала буржуазию к управлению.

Героический французский народ сбросил власть короля. И хотя народные низы ничего не получили в результате французской буржуазной революции, но «для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она (французская революция. — *Ред.*) сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции» (Ленин. Т. XXIV, стр. 304).

Взятие Бастилии (с гравюры той эпохи).

Фото-этюд И. Шешина.

На Москва-реке

Шахматы

Под редакцией Л. ГУГЕЛЯ

Композиции читателей „Смены"

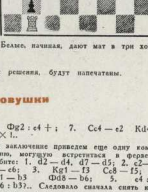
ЗАДАЧА № 22

Николай Осипов
(г. Тейково, Ивановская область)

Белые, начиная, дают мат в два хода.

ЗАДАЧА № 23

Клавдии Тушанной
(г. Горький)



Белые, начиная, дают мат в три хода.

Фамилии читателей, приславших правильные решения, будут напечатаны.

Дебютные ловушки

Уже дебютная (начальная) стадия партии тянет в себе немало комбинаций и комбинаций, быстро решающих исход игры. Каждый шахматист должен знать хотя бы самые типичные из этих комбинаций.

В фрейзеном гамбите после ходов: 1. d2—d4 c7—c5; 2. c2—c4 e7—e6; 3. Kb1—c3 Kg8—f6; 4. Cf1—g5 Kb8—d7 — белые подсказывают конструктивные пешки и играют: 5. e4 : d5 e6 : d5; 6. Ke3 : d5. Цель достигнута — пешка выиграна: ведь черные не могут бить ферзем d5 своим конем, так как их ферзь тем самым открывается под удар слона g2. Однако... 6... Kf6 : d5!!; 7. Cg5 : d8 Cf8—b4 + ; 8. Cd1 — d2 Cb4 : d2 ; 9. Kpe1 : d2 Kpe8 : d8, и черные имеют вместо пешки лишнюю фигуру.

Другая комбинация, тоже с „жертвой" фиранг: 1. c2—c4, e7—e5; 2. Kpf1—f3, d7—d6; 3. Cf1—c4, Kb8—d6; 4. Kb1—c3 Ce8—g4; 5. h2—h3 Cg4—h5 (вполне естественное желание сохранить связку пешек f3). И теперь следует эффектная комбинация:

6. Kf3 : e5!! Ch5 : d1.

Если 6... Ke6 : e5, то 7. Cd1 : h5 Ke5 : c4; 8. Ch5 — b5 +, и белые остаются с лишней пешкой.

7. Cc4 : f7 + Kpe8 — e7

8. Ke3 — d5 мат!

Нередко встречаются и другие ловушки, правда, довольно примитивные: 1. c2 — e4 e7 — e5; 2. Kpf1—f3 Kb8 — c6; 3. Cf1—c4. В этой позиции правильнее всего продолжать Cf8 — c5. Но, играя с начинающим, опытный шахматист иногда сам может делает ход: Ke6 — d4, «великодушно» жертвуя пешку: 4. Ke3 : d4 ? Не остерегаются ли брат... Ибо здесь таится такая опасность: 5.... Ke6 — d4 ! 4. Kf3 : e5 Qd8 — g5!; 5. Ke3 : f7 (фраер и надеет — теперь ставит начинающий) Qg5 : g2; 6. Ah1 — f1 Qxg2 : e4 + ; 7. Cc4 — e2 Kd4 — 13 ×!..

В заключение приведем еще одну комбинацию, могущую встретиться в фрейзеном гамбите: 1. d2—d4, d7—d5; 2. c2—c4, e7 — e6; 3. Kg1 — f3 Cc8 — f5; 4. Qd1 — b3 Qd8 — b6; 5. e4 : d5 Qb6 : b3?.. Следовало сначала снять пешкой слоном, а затем уже меняться ферзями. Теперь же следует: 6. a2 : b3 Cf5 : b1 (если e6 : d5, то 7. Kh1 — c3 e7 — e6; 8. Kc3 — b5) 7. Kb5 : d6! Kb8 : c6 (нельзя 7... Ch1 — a4 из-за 8. Ba1 : a7!! Aa8 : a7; 9. c6 — c7!); 8. Aa1 : b1, и белые остаются с лишней пешкой.

Из сокровищницы шахматного искусства

Десять задач Самуэля Лойда

В этом году исполняется 25-летие со дня смерти величайшего в истории шахмат проблемиста (составителя задач) — американца Самюэла Лойда. За свою жизнь Лойд составил более 700 задач. Почти все они поражают своим остроумием и неожиданностью решения.

Полное собрание задач Лойда было выпущено в Америке и затем переиздано в Германии. Сейчас возбужден вопрос об издании его произведений и у нас в СССР.

Желая познакомить наших читателей с творчеством гениального проблемиста, мы помещаем десять характерных для его творчества задач. Все они обдуманы ещё очередной — единоходатный — конкурс, решений. Шесть читателей, набравших наибольшее количество очков, получат премии. В числе премий шахматные часы, книги и пр.

Срок отсылки решений с мест — 25 августа (для ДВК, Восточной Сибири и Крайнего Севера — 1 сентября).

№ 1 (2 очка). Белые: Kpc5, Ag3, Cc8 и d2. Ч.: g5. Черные: Kpe4. Мат в два хода.

№ 2 (2 очка). Белые: Kpc7, Ad4, Ch6, Kd6. Черные: Kpb5, Kf1 и h5. Ч.: d5. Мат в два хода.

№ 3 (3 очка). Белые: Kpb4, Qf6, Aa2 и g1. Ч.: Ce3. Черные: Kpe3, Ce8. Kf7 и h1. Ч.: h3 и h7. Мат в два хода.

№ 4 (3 очка). Белые: Kpb4, Qe5, Kf3 и g5. Черные: Kph6, Aa8, Cb1, Ч.: g4, g6 и g7. Мат в три хода.

№ 5 (3 очка). Белые: Kpb3, Qb2, Af2, Ch6, Ke5 и e6. Черные: Kpe3, Ad8, h. ч7. Мат в два хода.

№ 6 (2 очка). Белые: Kpg3, Qf8, Cf7, Kg4. Черные: Kpb7, Ad6, h. g5. Мат в два хода.

№ 7 (3 очка). Белые: Kpf2, Ae1, Kd4. Черные: Kph1, Kg1, h2. Мат в три хода.

№ 8 (3 очка). Белые: Kph6, Ae2 и g5. Ch4 и c8, Kb3 и g1, h. h3. Черные: Kp54, Ke4 и e4. Ч.: f3. Мат в два хода.

№ 9 (4 очка). Белые: Kph4, Qc2, Ae4, Cc3, h. a2. Черные: Kpe1, Cb2, h. a3 и e4. Мат в три хода.

№ 10 (3 очка). Белые: Kpe2, Qf7. Ч.: e7. Черные: Kpf7. Мат в три хода.

Результаты восьмого и девятого конкурсов

Наш восьмой конкурс решений, об'явленный в четвертом номере журнала, включил в себя лишь одну задачу Ф. Займаля (белые Kpc1, Ce3, черные Ka1 и a2, e2 и b7; мат в шесть ходов). Решается эта затруднная задача только следующим путем: 1. Cf3 — g5! Aa4 — a6; 2. Ce3 — d2, Aa6 — a3 (если Aa6 — c8, то 3. Cd2—h4 и 4. Cc4 — a3); 3. Cd2—f4 Aa3 — a5; 4. Cf4 — h6! с матом в два хода.

В этом конкурсе приняли участие 96 решателей. Вклад большого количества участников редакция увеличила количество премий (шахматные книги) до шести. Их получают следующие товарищи, наиболее вдумчиво и в то же время быстрее других решившие задачу: **Н. Эйзин** (Москва), **И. Чупраков** (ст. Боровая, Забайкальская ж. д.), **Г. Чечик** (г. Бахмут), **А. Ветлин** (ст. Надеждин, Кировская ж. д.), **М. Голосевский** (Москва), **Астафьев** и **Нарышкин** (г. Витебск). Кроме того правильно решили задачу: **Е. Рыбалка** (станция «Селитра», Аккер-Черноморский край), **Я. Строков** (Тельмановский р., Казахстан), **Е. Рожкевичев** (ст. Лавкина, Воронежская область), **Аукнимин** А. (Ленинабад), **А. Крен** (Киев), **А. Кучеров** (Балтасар), **В. Хохлов** (Щорск, УССР), **Абрамов** Г. (Чаджуй), **В. Березов** (Ростов-Дон) **Э. Кунцевич** (Москва), **Н. Дорешенко** (Николаев), **И. Мешин** (Загорск) и другие.

В девятом конкурсе решений, который провел 37 участников, премии (книги) получат **М. Кобзев** (Ленинград), **А. Кабытин** (Дембасс), **Е. Рожкевичев** (ст. Лавина, Воронежская область), **В. Левин** (Москва), **С. Мазин** (Москва).

Новые книги

В июне вышел в свет три новые шахматные книги. Впрочем, одна из них уже была ранее известна советскому читателю: это «Курс шахматных лекций» чемпиона мира М. Эйве. Эта книга, рассчитанная на шахматиста не ниже средней квалификации, вышла уже третьим изданием. Цена в переплете 4 рубля 10 копеек.

Для массового читателя, даже мало знакомого с шахматами, большой интерес представит книга Макс. Левенфиш «Стейниц, Ласкер», выпущенная Журнально-газетным объединением в серии «Назад взаимствовать людей». В этой книге увлекательно описывается жизнь и творчество двух классических шахматистов. В конце книги приложено собрание их лучших партий. Стоимость книги — 2 рубля.

Третья книга — «Матч Алехин — Эйве» представляет из себя комментарий собой сборник всех партий матча. Комментарии к партиям составлены Алехиным и Эйве. Стоит книга 2 рубля.

Наша консультация

Е. Кальницу (Пермь). Основной недостаток вашей задачи — это то, что белые первым же ходом об'являют пат. Это считается грубым и недопустимым дефектом.

Н. Орлову (ст. Конон) и др. Шахматную литературу, имеющуюся на книжным складе, выдает выделенная платформа ленинградская контора «Универмаг — почтой». Адрес: Ленинград, Проспект 25 Октября, 28.

Решения („Смена" № 5)

ЗАДАЧА № 18 А. ЗАБЕЛИНА. 1. Dh8 — f8, угрожая 2. Df8 — f1. Главные варианты: 1..... Ah6 (d6): 2. Kd7—b6! (используя связку черной ладьи) и 3 1..... Ad6 (d6): 2. Kd7 — f6! (связана другая ладья). Однако из-за того, что на диаграмме белая пропущена черная пешка на g4, авторский замысел опровергается ходом 1..... g3 — g2.

ЗАДАЧА-ШУТКА А. ГУГЕЛЯ. Последнее ходом белым ферзя черные пешку на h3 королем с g3 Вторую этот ход белым отразит: 1. Kpg3—f2 Kph1—h2; 2. Kh5—f6 Kph2—h1; 3. Kf6—e4 Kph1—h2; 4. Ke4—d2 Kph2—h1; 5. Kd2—f1 h3—h2; 6. Kf1—g3 ×.

Даем не вошедшей в пропитый номер список книг читателей, приславших решениях композиции на «Смену» № 4: **И. Рыжов** (Киев), **В. Хайновский** (Белоцерковчи, БССР), **Н. Гашибеляев** (Тифлис), **В. И. Гришко** (Лебедянцы), **В. Иванов** (ст. Тонгелеи, Северная ж. д.), **Сивалов** В. (Галич), **Шарыкин** (Орск), **В. Жаринов** (Мегитуй), **И. Когин** (Ташкент), **Халенко** В. (Щорск), **Г. Васильев** (Саранск), **Д. Постников** (Бутурлиновка), **С. Попов** (Мокшан), **Поляничев** Г. (Кореляк).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
РАССКАЗЫ, СТИХИ	
Максим Горький. — Бабы	4
Гуго Гушерт. — Встреча (стихи, перев. С. Третьякова)	7
Ю. Гордон. — Большой Бэд Гордон	11
Александр Прокофьев. — Коротенькие частые	14
Глеб Пагрин. — Заставка	20
Н. Жигульский. — Бессмертие	2
Е. Рябчиков. — Тревога	19
АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ	
К. Горбунов. — Мудрый, любимый учитель	2
Ю. Нейман. — Буревестник	8
ОБРАЗЫ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
А. Кипренский. — Мать	14
СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ	
Д. Лебедев. — Великая хартия социализма	13
Ш. Нюренберг. — Победителям чумы	16
Е. Кононенко. — Эгоисты	23
П. Ипполитов. — От саженок до баттерфляя	25
А. Ленч. — Предусмотрительный Утюгов	27
Рисунки	
М. Рабинович. Я. Берка, Лиса, Д. Краснышенкова, К. Дмитриева.	
Фото:	
И. Шагина, И. Гущина.	
На обложке — «Смена» — фото тюд И. Гущина.	
На последней странице — Уголок юных натуралистов парка культуры и отдыха им. Мандельштама — фото А. Биленова.	

И. о. ответ. редактора **М. Гольдберг** Зав. иллюстр.—худ. частью **В. Урин** Техред — **Л. Шуман**

Сдано в набор 2 VII—36 г. Подписано к печати 15/VII—36 г. Изд. № 679 Формат 72×110 см. 166 948 зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Б—25597. Зак. № 1423. Тираж 30 000

Типография газеты „Правда" им. Сталина. Москва, ул. „Правды", 24.

ЗАКОНЧЕН ПРОИЗВОДСТВОМ И ВЫПУСКАЕТСЯ НА ЭКРАНЫ СОЮЗА

НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

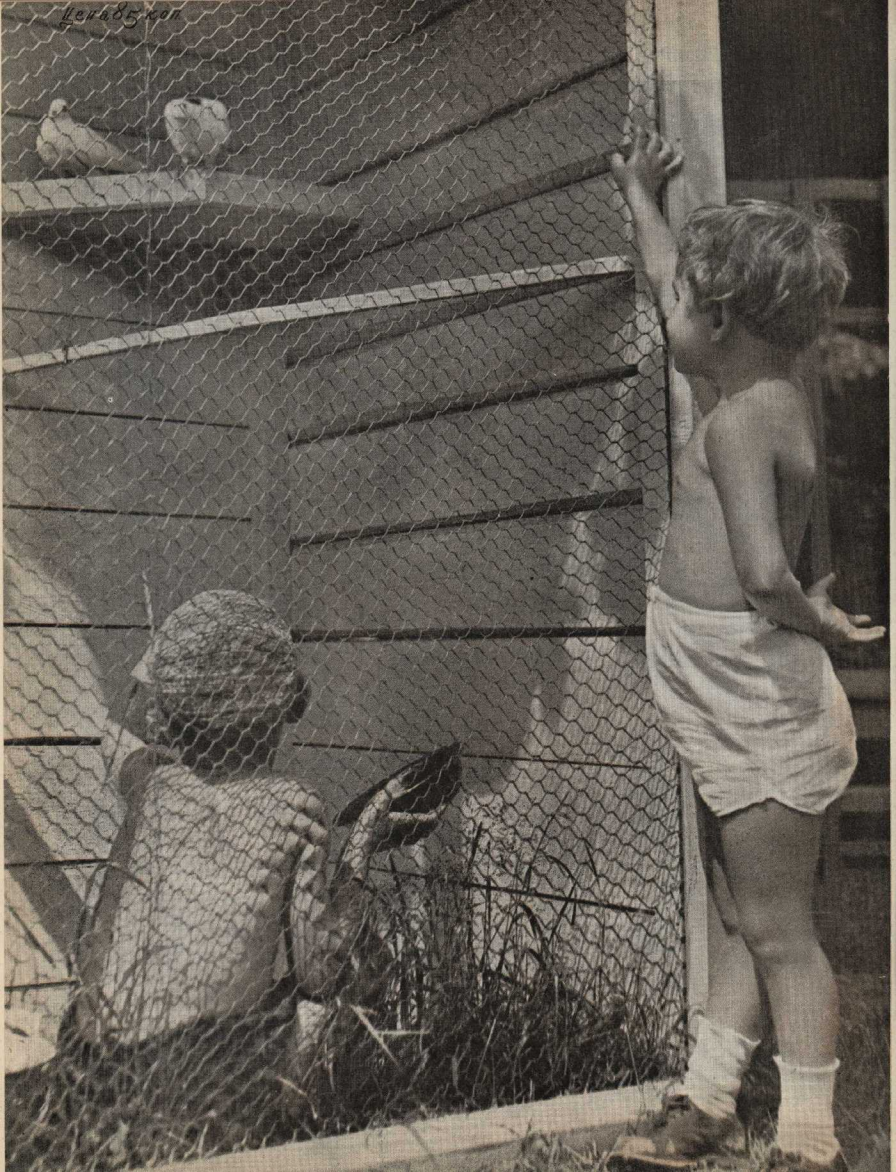
ДЕТИ капитана ГРАНТА

(Путешествие вокруг света) по Жюль Верну

Сценарий — **О. Леонидов.** Режиссер — **В. Вайншток.** Соорежиссер — **Д. Гутман.** Директор производства — **Л. Ивденбом.** Композитор — **И. Дунаевский.** Главный оператор — заслуженный артист республики — **А. Кальватый.** Оператор — **О. Фрадкин.** Звукооператор — **В. Лецев.** Художник — **Б. Балюзек.**

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Капитан Грант — народный артист республики **Ю. М. Юрьев.** Мэри Грант — **О. Базанова.** Роберт Грант — **Я. Сегель.** Елена Гленарван — **М. Стрелкова.** Эдуард Гленарван — **Н. Витоптов.** Жак Патагель, профессор, — **Н. Черкасов.** Айртон, боцман, — заслуженный артист республики **И. Чувелев.** Патагонец Гальквар — **Н. Аделунг.** Мак-Набс, майор, — **Д. Гутман.** Джон Манглэс, капитан, — **М. Романов.** Хозяин таверны — **Н. Мичурин.**


Цена 85 коп